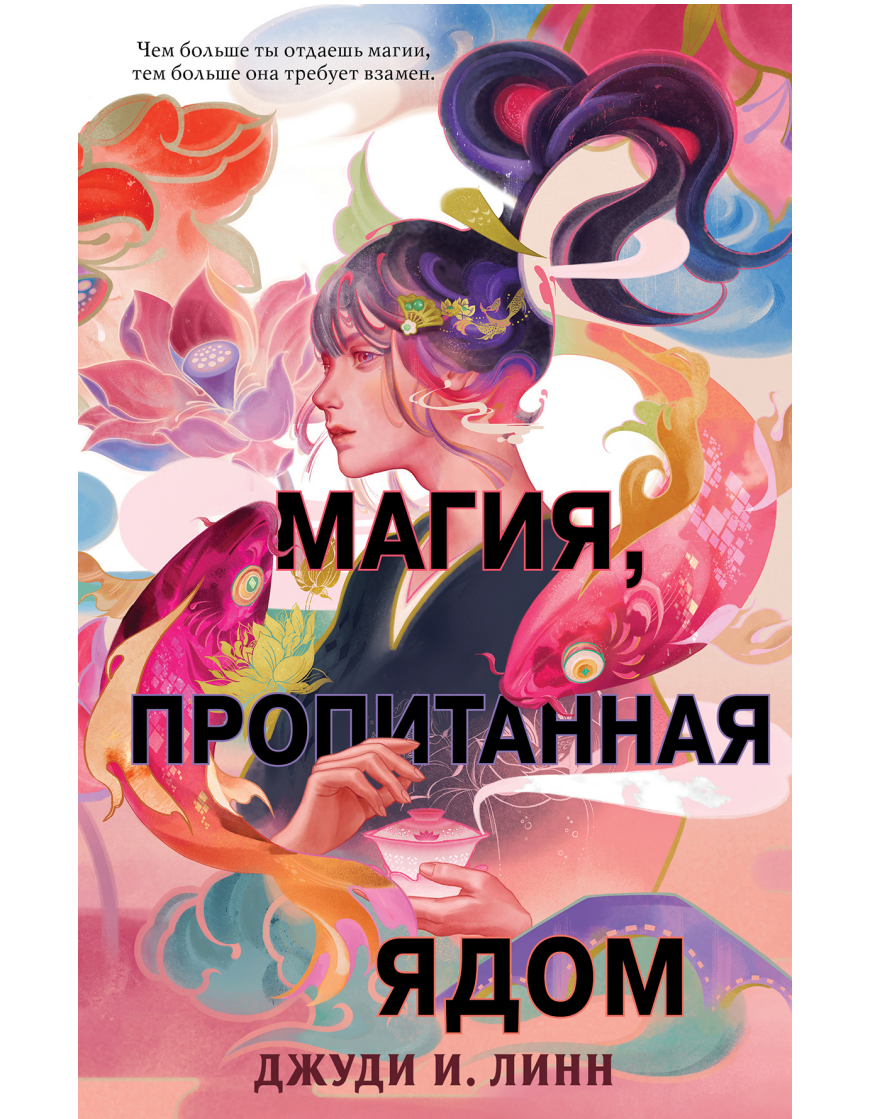

Чем больше ты отдаешь магии,
тем больше она требует взамен.

МАГИЯ, ПРОПИТАННАЯ ЯДОМ

ДЖУДИ И. ЛИНН

Джуди И. Линн
Книга чая. Магия,
пропитанная ядом
Серия «Young Adult. Азиатское
магическое фэнтези»
Серия «Книга чая», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67751018

Линн, Джуди И. Книга чая. Магия, пропитанная ядом: Эксмо; Москва ;

2022

ISBN 978-5-04-169990-1

Аннотация

Нин, названная в честь богини Луны, сама того не подозревая, подала отравленный чай, который убил ее мать и сильно навредил сестре. В их королевстве распространилась легенда о Тени – неизвестном, который при помощи магии отравил чай большей части жителей.

Однажды Нин узнает о конкурсе на звание величайших шеннон-ши – мастеров древнего и магического искусства приготовления чая. В награду за победу обещают исполнить любое желание. Для Нин единственный шанс спасти сестру – принять участие в конкурсе.

Однако, оказавшись во дворце среди интриг и безжалостных соперников, Нин сталкивается с еще большей опасностью. И лишь загадочный юноша с мрачной тайной может ей помочь...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	55
Глава 6	65
Глава 7	86
Глава 8	101
Глава 9	110
Глава 10	128
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Джуди И. Линн
Книга чая. Магия,
пропитанная ядом

Judy I. Lin

A Magic Stepped in Poison

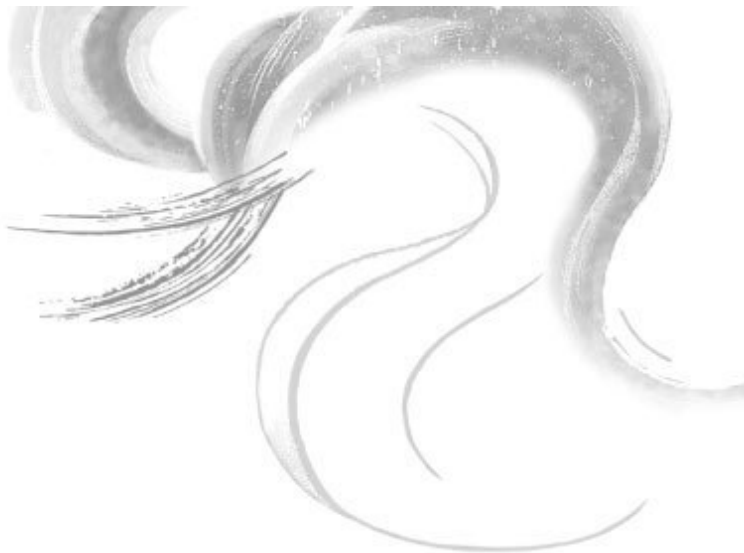
© Прокопец С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Для Лир Ты – начало всего

Глава 1

Говорят, что распознать настоящих шеннон-ши¹ можно по рукам – их ладони испачканы землей, кончики пальцев покрыты шрамами от шипов, а корка из почвы и крови всегда темными следами полумесяца остается у них под ногтями.

Раньше я смотрела на свои руки с гордостью.

¹ Шэнь-нун – один из важнейших героев китайской мифологии, покровитель земледелия и врачевания.

Сейчас все, о чем я думаю, когда вижу их, — *этим* руками я погубила мою маму.

В нашем доме темно и тихо, я прохожу по комнатам, словно воришка. Копаюсь в коробках и ящиках, вожусь с вещами, которые спрятал отец, чтобы они не напоминали о его горе. Я аккуратно шагаю между стульями и корзинами, сушилками и банками, мои шаги осторожные. Сквозь стены до моих ушей доносится тихий кашель Шу, которая ворочается в своей постели. За последние несколько дней ей стало только хуже.

Скоро яд заберет ее жизнь, как уже сделал это с нашей мамой.

Вот почему я должна уйти сегодня вечером, прежде чем мой отец попытается остановить меня и я буду связана чувством вины и страха до тех пор, пока не станет слишком поздно. Я касаюсь свитка, который спрятан в складках моей туники, чтобы удостовериться в том, что он все еще там.

Я нахожу то, что искала в глубине кладовки: шкатулка шеннон-ши моей мамы, скрытая от посторонних глаз в угловом шкафу. Воспоминания выскальзывают из-под открытой

крышки, будто они ждали меня в этой пахнущей чаем темноте. Я пробегаюсь пальцами по каждой бороздке на дереве, прикасаюсь к отделениям, вспоминая, как мы снова и снова повторяли названия предметов, что хранились здесь. Эта коробка – ее карта. Ее учения, ее истории и ее магия.

Но это зрелище навевает и другие воспоминания.

Разбитая чашка. Темное пятно на полу.

Я быстро закрываю крышку.

В глубине того же шкафа я нахожу другие банки, которые подписаны аккуратным почерком мамы. Мои руки слегка дрожат, когда я открываю банку с чайными листьями с прошлого лета. Последний урожай я помогла собрать ей, гуляя по садовым дорожкам и срывая листья с манящих веток.

Стоит мне вдохнуть аромат высушенных листьев, запах тут же сменяется горечью. Я вспоминаю, как мои последние попытки овладеть магией заканчивались слезами и неудачами. Тогда я поклялась, что больше никогда не прикоснусь к этим инструментам. Но это произошло до того, как свиток появился у нас на пороге. Отныне потерпеть неудачу – не вариант.

Люди, которые не видят ничего дальше своего носа, часто низводят роль шеннон-ши до эдаких завлекал, которые могут искусно налить и представить самый обычный напиток. Обученные шеннон-ши, разумеется, владеют основами – ароматами, подходящими для разных случаев, правильной формой и техникой изготовления чашки, которая

подходит к тому или иному подаваемому чаю. Но истинные обладатели магии шеннон владеют уникальными навыками. Некоторые заваривают чай для эмоций – сострадания, надежды, любви. Другие способны наполнить тело энергией или побудить пьющего вспомнить что-то давно им забытое. Они проходят сквозь границы тела и проникают в самую душу.

Руководствуясь мерцающим светом жаровни, я вытаскиваю поднос со стоящими на нем чайниками – один для замачивания, а другой для отстаивания. Сквозь шум бурлящей воды я слышу скрип в соседней комнате. Я замираю, опасаясь длинной темной тени на стене, за появлением которой следует гнев моего отца.

Но это лишь звук его храпа. Я выдыхаю и возвращаюсь к своим инструментам. Деревянными щипцами беру шарики чайных листьев и кладу их в сосуд. Осторожным поворотом запястья даю горячей воде стечь по листьям. Они медленно разворачиваются, раскрывая свои секреты.

Величайший шеннон-ши может видеть грядущее будущее, слегка покачивающееся над паром хорошо сваренной чашки чая. Однажды мама заварила чай фу-пен-дзи из высушенных листьев малинового куста для беременной женщины из деревни. Пар горел синим цветом в утреннем воздухе, приняв форму четырех сверкающих игл. Так она в точности предсказала то, что ребенок родится мертвым.

Я слышу ее голос, когда листья расправляются в воде.

Мама рассказывала нам о том, как вечерний туман следует за белыми кончиками крыльев Хранительницы Гор, богини, которая в сумерках превращается в птицу. Ее именуют Леди Юга; она уронила единственный лист из клюва в чашу Первого Императора и подарила людям удовольствие от чая.

Когда я была маленькой, мы с Шу ходили за нашими родителями через сады и фруктовые поля с повязанными на бедрах корзинами. Мне частенько казалось, будто я чувствую прикосновение этих кончиков крыльев на своей коже. Порой мы останавливались, чтобы послушать, как богиня направляет нас к месту, где щебечет гнездо вылупившихся птенцов, или как она предупреждает нас о проливных дождях, которые способны вызвать гниение корней, если мы не будем тщательно обрабатывать землю.

Я переливаю золотистую жидкость из чайника для замачивания в чайник для отстаивания. Мама не позволяла нам забывать старые традиции, которые существовали еще до завоевания кланов и взлета и падения империй. В каждой чашке, что она заваривала, был особый ритуал, выполняемый с глубоким почтением. То, как она знала каждый компонент, вошедший в состав приготавливаемого чая – происхождение воды, аромат дерева, что разжег огонь, сосуд, в котором нагревали воду. Вплоть до листьев, сорванных ее пальцами, погруженных в чашу, которую она создала своими собственными руками и обожженную в ее печи. Дистиллированная жидкость в ладонях ее рук, которую она принесла в качестве

благословения.

«Вот и готово. Пей и будь здоров».

Я наклоняюсь вперед и вдыхаю сладкий аромат яблок. Я слышу сонный гул пчел среди цветущих полевых цветов. Чувство уюта окутывает меня, согревая своим теплом. Мои веки начинают опускаться, но момент исчезает, стоит чего-то пронестись перед моим взором.

Мое тело покалывает от осознания происходящего.

Трепет черных крыльев справа от меня. Ворона проскальзывает в дымную тьму перед тем, как исчезнуть.

Чтобы освоить чтение чая на уровне настоящего мастера, требуется целая жизнь тренировок, но я уже смирилась с тем, что стану подопечной лекаря. Это решение было принято год назад. Моя сестра не выносила вида крови, поэтому моему отцу потребовалась дополнительная пара рабочих рук.

Волна сомнения вновь пробегает по моей коже, когда пальцы сжимают свиток. Приглашение предназначалось для кого-то другого – для настоящей ученицы моей мамы.

Но мама мертва. И сейчас только одна из нас достаточно сильна для того, чтобы путешествовать.

Я заставляю себя сосредоточиться. Глубокий вдох, и все проходит. Пар заметно колеблется, когда я выдыхаю. Больше никаких видений. Струя чая переносится в маленькую чашку, предназначенную для питья, – всего для одного глотка. Напиток стекает по моему горлу, я чувствую медовый вкус

оптимизма и обещания того, что лето будет длиться вечно...

Смелость ярко разгорается в моей груди, такая же горячая, как речная скала, обожженная солнцем.

Уверенность распространяется по моему телу. Я отвожу плечи назад и чувствую себя подготовленной, словно кошка перед прыжком. Напряжение внизу живота ослабевает. Я все еще чувствую магию. Боги не забрали ее в качестве наказания за мое пренебрежение.

Звук сильного кашля сбивает мою концентрацию. Я опрокидываю один из чайников, чай проливается на поднос, и я бегу в соседнюю комнату.

Моя сестра изо всех сил старается удержать себя трясущимися руками, кашель разрушает ее стройное тело. Она пытается нащупать таз, который мы держим рядом с ее кроватью, я подхожу и передаю его ей. Кровь снова и снова брызгает на дерево, ее слишком много. Спустя вечность кашель наконец стихает, и сестра дрожит напротив меня.

– Холодно, – шепчет она.

Я забираюсь в кровать, устраиваюсь рядом с ней и накрываю нас одеялами. Она сжимает мою тунику и тяжело дышит. Я обнимаю сестру, и ее дыхание становится ровным, а морщинки напряжения вокруг рта сглаживаются.

Без знаний мамы, чтобы излечить Шу, мы с отцом перепробовали все возможное. Я, изо всех сил пытающаяся вспомнить уроки из детства, и он, опытный лекарь, получивший образование в императорском колледже. Он умеет

вправлять кости, лечить порезы и внешние недуги. Несмотря на то что ему известны некоторые лекарства для внутреннего применения, отец всегда полагался на маму, когда дело касалось критических случаев. Это делало их отношения такими хорошими. Мой папа использовал каждую доступную ему крупицу знания, он смирил свою гордость и послал письмо с просьбой о помощи в колледж. Отец испробовал все возможные противоядия в пределах его досягаемости. Но мне хорошо известна темная правда, вокруг которой мы блуждаем.

Моя сестра умирает.

Эликсир и настойки сдерживают яд подобно дамбе, однажды он прорвется через нее. Мы ничего не сможем сделать, чтобы это предотвратить.

И именно я – та, кто подвел сестру.

Я борюсь со своими мыслями и беспокойством в темноте. Я не хочу оставлять ее, но другого пути нет. Свиток – наш единственный шанс. Его доставили королевской процессией в дом каждого шеннон-ши в Да кси. Когда мы его получили, Шу была дома одна. Я была в деревне с отцом, помогала ему ухаживать за одним из пациентов. Сестра развернула свиток вечером в нашей спальне, чтобы я смогла ознакомиться с ним в уединении. Ткань, вышитая золотой нитью, засверкала. На задней части покачивался дракон, вышивка была такой прекрасной, что, казалось, будто он сейчас оживет и начнет танцевать вокруг нас, оставляя за собой огнен-

ный след.

– Это пришло нам сегодня, – Шу сказала мне с такой воодушевленностью, какую мне редко доводилось слышать от моей кроткой сестры. – Императорский конвой прислал указ принцессы.

Слова, которые я выучила наизусть: *императорским указом, принцесса Ли Инь-Чжэнь приглашает вас на празднование и поминание вдовствующей императрицы на фестивале восходящей звезды. Все шеннон-ту приглашаются к участию в состязании, победитель которого впоследствии сможет служить при дворе. Победителю будет оказана услуга самой принцессой – она исполнит любое его желание.*

Слова словно песня для меня, она манит.

В нашем поколении не было ни одного шеннон-ши, допущенного ко двору, поэтому быть избранным – поистине огромная честь. Это позволило бы шеннон-ту пройти испытания и стать мастером. Их хозяйства будут награждены богатством, а в деревне проведут празднование. Но больше всего меня манит надежда на исполнение желания. Я могла бы попросить, чтобы к моей сестре направили лучших врачей королевства, тех, кто измерял пульс самого императора.

У меня сжимается горло, когда я смотрю на свою сестру, которая крепко спит рядом. Если бы я могла извлечь из нее яд и поглотить его вместо нее, я бы с радостью так и сделала. Я бы сделала все что угодно ради того, чтобы облегчить ее страдания.

Я сварила ту роковую чашку чая для мамы и Шу из брикета чая, который обычно раздают всем подданным императора на празднике середины осени². На мгновение, когда обжигающая вода просочилась сквозь брикет листьев, мне показалось, что я увидела змею – белую и мерцающую, она извивалась в воздухе. Когда я отмахнулась от пара, она тут же исчезла. Мне бы следовало предпринять что-то, вместо того чтобы отвергать знаки.

Но вскоре губы моей мамы почернели. Змея была предзнаменованием, предупреждением богини. Я не прислушалась. Даже когда яд до боли разрывал тело моей мамы, она приготовила целебный эликсир для моей сестры, чтобы очистить ее желудок, и спасла ей жизнь.

По крайней мере на время.

Я выбираюсь из постели, стараясь не тревожить покой сестры. Уложить оставшиеся вещи не займет много времени. Я складываю в мешок одежду вместе с единственным ценным предметом, который у меня есть, – ожерельем, которое мне подарили на десятый день рождения. Я продам его, чтобы получить немного денег для своего путешествия в столицу.

– Нин! – шепот Шу прорывается сквозь ночь. Похоже, она все-таки не смогла заснуть. Мое сердце разрывается при виде ее бледного, как молоко, лица. Сестра похожа на дикое

² Один из самых значимых китайских праздников, означает воссоединение семьи и гармонию.

существо из маминых сказок – глаза, светящиеся безумием, спутанные волосы, обрамляющие ее лицо, она – олень в человеческом теле.

Я становлюсь на колени рядом с ней, руки сестры находят мои, когда она протягивает что-то маленькое и завернутое в ткань. Острый конец булавки укалывает мою ладонь. Развернув платок, я поднимаю его на лунный свет и вижу шпильку, украшенную драгоценными камнями. Подарок одного из благодарных маминых посетителей – роскошное воспоминание о столице. Это сокровище предназначалось Шу, а ожерелье мама подарила мне.

– Возьми это с собой, – говорит мне сестра. – Так ты будешь чувствовать себя красавицей во дворце. Такой же прекрасной, какой была и она.

Я открываю рот, чтобы ответить, но она отмечает мои возражения, качая головой.

– Ты должна уйти сегодня вечером. – Голос Шу приобретает строгий тон, словно это она – моя старшая сестра, а не наоборот. – Не набивай живот каштановым пирогом.

Я смеюсь слишком громко и тут же умолкаю, пытаюсь сдержать слезы. Что, если, когда я вернусь, ее уже не будет?

– Я верю в тебя, – отвечает Шу, повторяя слова прошлой ночи, когда она сказала мне, что я должна отправиться в столицу и оставить ее. – Утром я скажу отцу, что ты едешь в гости к тете. Это даст тебе немного времени, прежде чем он заметит, что ты ушла.

Я крепко сжимаю ее руку, сомневаясь в своей способности говорить сейчас. Я даже не уверена в том, что могла бы ей на это ответить.

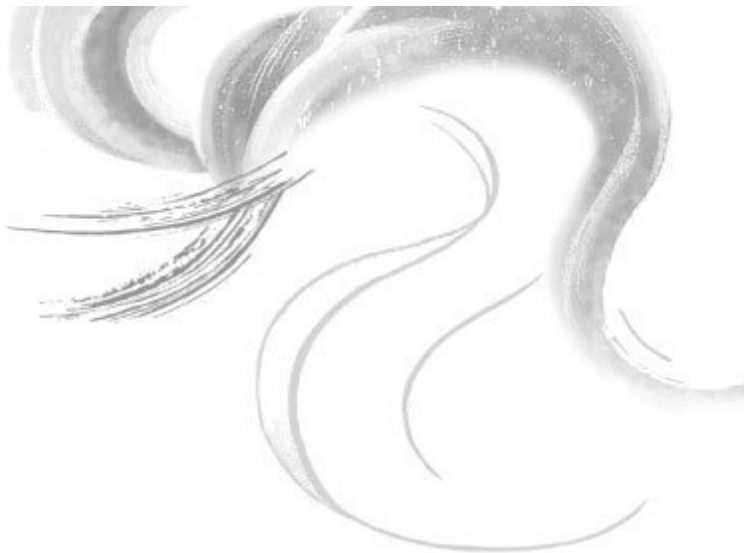
– Не позволяй Изгнанному Принцу схватить тебя в темноте, – шепотом добавляет Шу.

Детская сказка, которую рассказывали на ночь и на которой мы все выросли. Изгнанный Принц и его остров, что кишит головорезами и разбойниками. На самом же деле она хочет сказать, чтобы я была осторожной.

Я прижимаюсь губами ко лбу сестры и выскальзываю за дверь.

Глава 2

Чай бесстрашия все еще распространяется по моему телу, и я двигаюсь сквозь туманную ночь быстрее, чем обычно. Луна – это бледный диск, который освещает мне путь, ведущий к главной дороге.

Мама рассказывала, что на Луне живет прекрасная женщина, украденная ее небесным мужем, который возжелал ее красоты на Земле. Он построил для нее хрустальный дворец и подарил ей кролика в надежде, что одиночество за-

ставит пленницу алкать его присутствия. Но женщина была умна и украла эликсир бессмертия, который он приготовил для себя. Боги предложили ей место среди них, но красавица предпочла остаться в своем дворце, ибо она уже привыкла к тишине.

Они даровали ей титул Богини Луны и именовали «Нин», что значит спокойствие. Я помню мягкий голос мамы, которая рассказывала истории, когда гладила меня по волосам. Меня переполняла любовь всякий раз, едва она начинала рассказывать о происхождении моего имени.

Голос мамы направляет меня, и ноги ведут меня к небольшой рощице с деревьями помелю, что растут на окраине наших фруктовых садов. Я касаюсь восковых листьев. Эти деревья мама кропотливо вырастила из семян. Она подняла нас с Шу и развернула в сторону деревьев, когда они наконец созрели и принесли плоды. Ее радость окружала нас и заставляла смеяться. Она похоронена здесь, среди деревьев. Мое дыхание тяжелеет, когда я замечаю белое мерцание среди зеленых бутонов. Первое цветение сезона, едва раскрывшиеся бутоны.

Ее любимый цветок. Знак, что ее душа все еще пребывает здесь, наблюдая за нами.

Внезапный порыв ветра зашумел в деревьях. Листья касаются моих волос, словно чувствуют печаль и хотят меня утешить.

Я провожу большим пальцем по ожерелью, которое ношу

на шее, – по выступам и трещинам символа, обозначающего вечность, космическое равновесие. В каждом из нас содержатся три души, отделяющиеся от наших тел в момент смерти. Одна возвращается на землю, другая – в небо, и последняя пускается в колесо жизни. Я прижимаюсь губами к твердой гладкой бусине в центре узла.

У скорби затяжной вкус горечи, такой мягкий, что легко перепутать со сладостью.

Мама, в такие моменты я больше всего скучаю по тебе.

Я шепчу ей обещание вернуться с лекарством от болезни Шу.

Сложив руки на сердце, я кланяюсь в знак обещания мертвым и живым и покидаю дом, в котором выросла.

Я выхожу на главную дорогу, которая ведет меня к спящей деревне. Оборачиваюсь только один раз, чтобы взглянуть на ночь, что смягчается вокруг наших садов. Даже в темноте над чайными деревьями клубится туман, приглушая их цвет. Колеблющееся море зеленого и белого.

В этот момент я что-то слышу – любопытный шорох, похожий на птичий. Я останавливаюсь. Улавливаю движение

по черепичной крыше соседнего дома. Мне удастся распознать форму стропил – чайный склад на окраине города. Затаив дыхание, я прислушиваюсь. Это не птица. Это шелест обуви, скользящей по крыше.

Передо мной в грязи появляется тень, кто-то отбрасывает ее сверху. Незнакомец пригнулся и крадется украдкой. Непрошенный гость.

Нет никаких причин для того, чтобы красться ночью по губернаторскому складу. Если только вы не хотите, чтобы вас разорвали на куски четыре лошади, к которым вас привяжут, а они будут тянуть в разные стороны. Ну или... если вы не способны противостоять человеку, чья сила превосходит силу сразу трех мужчин, а заодно вы сумеете молниеносно запрыгнуть на крышу и оторваться от целой толпы солдат.

Тень.

Люди распространили предупреждения о Тени – странной фигуре, как они говорят, которая стоит за случаями с отравлением чая по всей стране. Всем известно, что бандиты прячутся у границ Да кси, грабят караваны и нападают на всех, кто решится встать у них на пути. Но существует некий преступник, который никак не связан со списком банд, известных министерству юстиции. Преступник, который может находить спрятанные сокровища и раскрывать секреты, оставляя за собой след из мертвецов. Я увидела вспышку темного вороного крыла в паре над чашкой... выходит, это было предзнаменование.

Что-то пролетает мимо моей головы и с глухим стуком падает к ногам. Проклятие раздается надо мной, шаги ускоряются и уносятся прочь. Проклятие вызывает у меня интерес: если это та самая знаменитая Тень, тогда звучала она уж больно по-человечески. Любопытство во мне борется с подозрением, это происходит мгновенно – словно искра в пламени.

Я поднимаю упавший предмет и ногтем протыкаю тонкую бумажную обертку. Я чувствую что-то до боли знакомое – скрученные листья, спрессованные в твердый прямоугольник, который источает землистый аромат. Чайный брикет. Я переворачиваю упаковку, красная печать предупреждающе бросается в глаза. Губернатор пообещал нам, что все отравленные брикеты изъяли и поместили для последующей утилизации.

Я следую за звуками шагов по крыше, чувство страха, поселившееся в моем животе, сменяется гневом. Гневом из-за смерти моей мамы, гневом из-за непрекращающихся болей Шу.

Я расправляю плечи, и, когда сила чая бесстрашия растекается по телу, подкрепляя мою смелость, в моем горле зарождается рычание. Я сбрасываю свои вещи и кладу их возле стенки склада. Я сжимаю в руках чайный брикет – он крошится. Чайные листья превращаются в труху, сыпятся за мной, пока я бегу. Гнев приятен. Он кажется реальным, эдакая долгожданная передышка от моей обыденной беспомощ-

ности. Мой разум концентрируется на одной мысли: я не могу дать ему уйти с этим ядом. Не тогда, когда это закончится тем, что очередная девушка похоронит свою мать.

Я вылетаю за угол, отбрасывая все попытки оставаться незамеченной. Сейчас имеет значение только скорость.

Мой взгляд ловит темное пятно, которое движется в воздухе, оно приземляется в двадцати шагах от меня. Тень стоит спиной ко мне, я не мешкаю – сокращаю дистанцию между нами всего за два вдоха и со всей яростью бросаюсь на Тень.

Мы падаем на землю, Тень теряет равновесие под моим весом. Я хватаюсь за все, что попадает под руку, сжимаю пальцами ткань. Я не останавливаюсь, даже когда из-за резкого приземления на землю по моему плечу распространяется волна боли. Тень тут же приходит в себя и начинает извиваться в моей хватке. Тяжело дыша, я толкаю вора локтем в ребра. Навык, который я освоила, когда помогала отцу удерживать взрослых мужчин, пока он вправлял им кости.

Жаль, что этот непрощенный гость – не один из пациентов отца, которые обычно слабые из-за болезни либо находятся в полубессознательном состоянии.

Вор реагирует молниеносно, он хватается мое запястье и выворачивает его в противоположную сторону. Я вою и ослабляю хватку. Одним плавным движением он поднимается на ноги прежде, чем я успеваю убрать волосы с глаз.

Я встаю не так грациозно, как он, и мы изучаем друг друга. Луна сияет над нашими головами, освещая нас обоих. У во-

ра худощавое тело, он на голову выше меня. Тьма скрывает его черты, фигура словно из ночного кошмара – кусок дерева закрывает верхнюю часть его лица. Из сердито сведенных бровей выступают рога. Он похож на Бога Демонов, способного обезглавить непутевых призраков одним лишь взмахом меча.

Маска скрывает лицо ужаса, терроризирующего Да кси.

Он подхватывает мешок, который упал во время нашей драки, и повязывает его через плечо. Его глаза горят под маской, губы сжались в жесткую линию.

Позади меня пусто, вплоть до доков, где складские рабочие получают свои поставки. Он может украсть одну из лодок или исчезнуть в переулке. Другой путь ведет к центру деревни, в котором большая вероятность быть пойманным патрулем.

Он бежит на меня, чтобы оттолкнуть в сторону. Но я наклоняюсь и бросаюсь в ноги Тени, пытаюсь лишить его равновесия. Тень уклоняется и отпихивает меня, но я хватаюсь за мешок, когда вор собирается проскочить мимо.

Тень разворачивается и бьет меня по колену. Моя нога подгибается, и я падаю на руку, левую сторону пронзает жгучая боль. Следующим ударом он толкает меня в грязь. Тень точно знает, куда нужно бить. Я ему неровня.

Он снова пытается уйти, но я плюхаюсь на живот и цепляюсь за ноги Тени, заставляя его тащить меня за собой. Я не могу позволить ему уйти с ядом. Я делаю глубокий вдох, что-

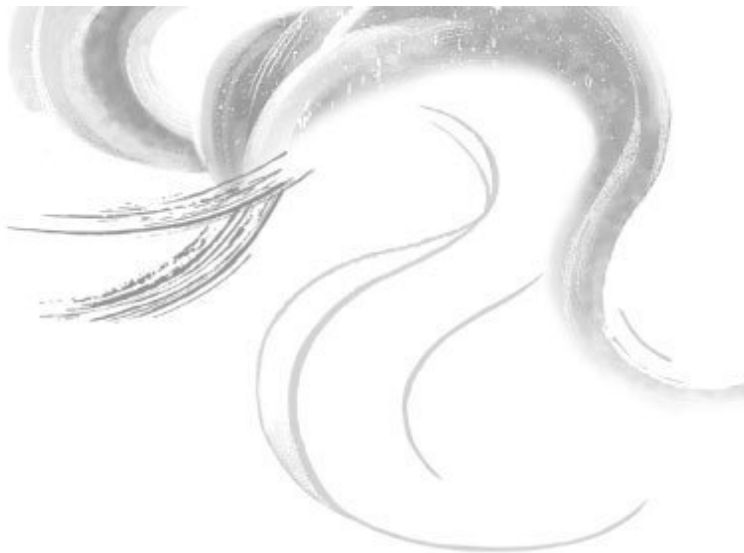
бы закричать, но, прежде чем мне удастся раскрыть рот, что-то ударяет меня в висок. Я падаю на спину, боль в голове взрывается словно фейерверк.

Я хочу побежать за ним, но не могу даже выровнять дыхание. Перед глазами все вращается, здания качаются, будто деревья. Прижавшись к стене, я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как темная фигура отталкивается от нескольких установленных бочек и приземляется на крышу.

Тень исчезает в ночи, не оставив при этом ни единого доказательства того, что он здесь был. За исключением крови, которая стекает у меня по волосам, и звона, что эхом раздается в ушах.

Глава 3

Лодыжка и лицо горят от боли. Я иду, хромая, до тех пор, пока горизонт не окрашивает слабый рассвет, а мимо меня проезжает фермер на своей повозке.

Он окидывает меня взглядом и предлагает место сзади. Я дремлю в компании кричающей утки между мешками с пшеном и рисом. Утка всю поездку возмущается из-за неровной дороги. Наконец мы добираемся до города Наньцзян, который расположен на Южном берегу Нефритовой ре-

ки, в нескольких часах езды на лошади от Су. Если бы мне пришлось идти пешком, у меня бы ушел почти целый день на то, чтобы добраться сюда.

Я закладываю свое ожерелье в ломбарде, чтобы мне хватило денег переправиться на пароме в столицу. Очередное воспоминание о маме ускользнуло от меня. Но именно в тот момент, когда я поднимаюсь на паром и сталкиваюсь лицом к лицу с толпой, меня охватывает внезапный приступ одиночества. Я знаю в лицо всех жителей деревни, большинство – по имени, и они знают меня. Здесь же я больше не своенравная дочь доктора Чжана. Ощущение, будто я примерила на себя чью-то маску.

Я отступаю к задней части парома и сажусь, прижимая вещи поближе к себе. Люди вокруг меня смеются и общаются. Воздух наполнен музыкой, которую исполняют странствующие музыканты, играющие за монеты. Но я не перестаю волноваться, опасаясь, что ложь Шу не сработала и меня раскроют еще до того, как паром отойдет от пристани.

Я чувствую, как неизбежное неодобрение отца тяжелым грузом ложится на мои плечи. Он никогда не понимал меня, несмотря на то что мы жили под одной крышей. Отец бы ни за что не позволил мне уехать на состязание. Он бы нашел причину, чтобы отговорить меня от этой глупой затеи: я слишком молода и неопытна, чтобы путешествовать в одиночку; Шу очень больна, чтобы оставлять ее на попечение кому-то другому; а сам он никогда не покинет деревню из-

за чувства долга перед пациентами...

Девушка передо мной начинает танцевать – долгожданное избавление от моих забот. Изящные жесты рук сопровождаются сладким звуком ее голоса. Когда люди узнают «Песню о нищенке», в толпе раздаются восторженные аплодисменты.

Это песня о трауре. Безымянная девочка-сирота. Город, который потерпел поражение в войне. Она ходит по улицам голодная и одинокая.

Эмоции захватывают моих попутчиков, когда музыка их окружает. Движения танцовщицы, нежное покачивание паррома, тоска, которой пронизано каждое ее слово, – все это переплетается между собой и объединяется в горечь, которая растекается у меня во рту.

Моя сестра всегда была доброжелательной, с самого рождения она улыбалась, я же обидчивая и неугомонная, мне больше по душе растения, нежели люди. Могу сказать наверняка, жители деревни лишь терпели мое присутствие, но искренне они любили Шу. Она могла греться в тепле их обожания, но сестра никогда не забывала обо мне. Она всегда делилась со мной тем, что ей давали, и защищала от резких слов.

Настала моя очередь ее защитить.

Я опускаю голову на руки.

Голос девушки летит над толпой: *«Я заблудилась вдали от дома...»*

– Держи. – Мне что-то вложили в руку, я открываю глаза

и вижу перед собой озабоченное лицо женщины. Она прижимает к себе младенца, который завернут в плотную ткань. Большие темные глаза женщины излучают добро.

– Если поешь немного, твой желудок успокоится, – отвечает она.

Я перевожу взгляд на то, что она мне дала. Маслянисто-красный кусок вяленой свинины. Когда я подношу его к носу, у меня лишь от одного только запаха начинают течь слюнки. Я осторожно откусываю, мясо на вкус одновременно сладкое и соленое, жуется оно идеально. Это отвлекает меня от грустной мелодии и дает возможность сосредоточиться на трапезе до тех пор, пока мой разум немного не проясняется.

– Спасибо, – бормочу в ответ, вытирая жир с туники. – Было очень вкусно.

– Впервые на пароме? – спрашивает меня женщина, попутно ритмично похлопывая ребенка по спине.

Не дожидаясь моего ответа, женщина продолжает:

– Я помню свое первое путешествие в Цзя. Как же было здорово! А сколько народа там было! Мне было неловко, потому что меня стошнило за перила столько раз, что я едва тогда могла стоять на ногах.

– Похоже, вы путешественница со стажем, – отвечаю я. В этой женщине есть что-то такое, что напомнило мне о моей маме. Она тоже без всяких раздумий помогла бы незнакомцу.

Женщина улыбается.

– Я тогда только вышла замуж. И я не знала, что то, что я считала морской болезнью, на самом деле оказалось беременностью ее братом. – Ее взгляд, наполненный искренней любовью, был обращен на двух человек, которые стояли в нескольких шагах от меня – один высокий, а второй низкий, – мужчина и мальчик, которому на вид около шести лет.

– Теперь и ваши дети станут опытными путешественниками, – говорю я.

Женщина смеется.

– Каждую весну мы ездим в Цзя, чтобы прибраться на могилах родственников моего мужа и навестить тех, кто переехал в столицу. Но я рада, что моего мужа отправили в провинциальный город, подальше от всей этой политики Цзя. Здесь жизнь намного проще. Именно такую жизнь я хотела для сына и дочери.

Мои родители познакомились в столице много лет назад. Вскоре мама вернулась в деревню беременной, а рядом с ней был незнакомец, который впоследствии стал ее мужем. Спустя годы она вскользь упоминала столицу. Восхищение звуками цитры, небрежное замечание о благоухании цветов глицинии, которые разрастались на восточной стене дворца.

Мы с Шу спрашивали: «Мама, почему мы не можем вернуться туда?» – мы сидели у нее на коленях и упрашивали рассказать больше историй о красотах столицы. Она отвечала, что для нее там ничего больше не осталось – ничего столь важного, как ее семья, которая и так была с ней рядом. Но

наша семья распалась, мама не смогла удержать нас вместе, и я ухожу, чтобы спасти то, что осталось.

Женщина целует взъерошенные волосы на голове ребенка. Малышка открывает свой крошечный рот, чтобы зевнуть, а затем прижимается к груди матери. Эта женщина живет жизнью, которую хочет для меня мой отец: она довольствуется едой на столе, уютным домом и мужем, который способен обеспечить семью. За исключением того, что мои родители видели чудеса Цзя и жили в самой гуще событий, не желая ничего, кроме того, что ожидало их дома, в то время как я видела только нашу деревню и ее окрестности.

Время на пароме протекает как в странном сне. Моя спутница Лифен относится ко мне как к члену своей семьи. Я подбрасываю ее девочку у себя на коленях и утаскиваю мальчика подальше от перил, чтобы тот не упал. Они отказываются принимать какую-либо плату за еду и питье, которыми делятся со мной. Мое сердце поражено их добротой.

По пути мы проплываем несколько городов, собирая и высаживая пассажиров. Поездка проходит шумно, музыканты продолжают играть, а продавцы – торговать товарами из корзин, которые они носят на спинах и головах.

Ночью я прислоняюсь к перилам и смотрю, как звезды кружатся над моей головой. *«Не дай себя обмануть, – так однажды сказала мне мама. – Звезды не такие мирные, какими кажутся на первый взгляд. Астрономам поручено расшифровать их небесные путешествия, пророчества, что*

предсказывают взлеты и падения великих семейств и королевств. Они горят так же свирепо, как наше солнце».

– Раньше я мечтал стать звездочетом, – мои мысли прерывает голос. Муж Лифен, чиновник Яо, тяжело садится рядом со мной на палубу и протягивает мне глиняную чашу с рисовым вином. Я пью его, и земляная жидкость обжигает мне горло, согревая грудь. – Но не было способностей. Потом мне захотелось стать поэтом. Я писал задушевные стихи об Изгнанном Принце и его уединенном острове.

Я смеюсь над этим признанием, представляя его чуть моложе и серьезнее, с кистью в руке.

– И?

– Порой жизнь расстраивает наши планы, – отвечает он, глядя при этом не на меня, а на мерцающее отражение света на воде.

Жар вина приободряет меня, и я объявляю:

– Я не позволю этому случиться.

Мужчина смеется, он такой уверенный и расслабленный, будто вовсе мне не верит. Поначалу, когда Лифен упомянула о том, что ее муж работает на правительство, я его сторонилась. Но из наших коротких разговоров я сумела понять, что он разительно отличается от губернатора, который правит в моей деревне.

Я вздрагиваю при воспоминании о губернаторе Ванге. Это грозный человек, чей черный плащ окружает его, словно темное облако. Губернатор никогда не задает вопросов, он

только и знает, что брать, требовать и отнимать до тех пор, пока люди, которые находятся под его юрисдикцией, не лишатся последнего. Говорят, он вытащил чью-то собаку на дорогу и забил ее до смерти, чтобы все это видели. Поговаривают, он смеялся, когда животное выло от боли – это было наказанием за то, что хозяин собаки не смог заплатить ежемесячный налог.

С годами губернатор Ванг проявлял особый интерес к моему отцу, будто он видел в нем своего заклятого врага. Зачастую сельские жители рассчитывали на то, что мой отец будет просить чиновников о снисхождении в тяжелые времена. Он своими глазами видел, как страдает народ, но по-прежнему подчинялся прихотям губернатора. Возможно, именно поэтому мне трудно понять отца. Это самая непростительная верность. Особенно, когда в глубине души я знаю, что губернатор Ванг мог бы сделать куда больше, чтобы остановить отравления, а порой, заглянув еще глубже в себя, я даже подозреваю, что он сам за этим стоит.

Я так и сижу в дружеской тишине с Яо, делая глотки рисового вина, пока мои руки и щеки не становятся теплыми и их не начинает покалывать.

После того как разливаются последние капли, мы чокаемся чашами и опустошаем их. Мужчина вздыхает.

– С годами ты начинаешь понимать, что все само собой возвращается на круги своя, – произносит Яо с мечтательной интонацией. – Все меняется, а затем возвращается к тому,

что было. Звезды продолжают свой путь, пастух всегда воссоединяется со своей возлюбленной³. В каком-то смысле это утешает. Не дает тебе чувствовать себя одиноким.

Мужчина похлопывает меня по плечу и встает, оставляя меня наедине с собственными мыслями.

Я смотрю на воду. Никогда прежде не думала об этом, но он прав. Я действительно одинока, и это не просто тоска по дому. Я всегда чувствовала себя так, будто мне не место в деревне. Иногда, поздно ночью, когда Шу мирно отдыхала, а сон не приходил ко мне, в моей голове появлялись путанные мысли. Они укоренились внутри меня и до сих пор отказываются уходить прочь. Они шепчут ужасные вещи: например, что мой отец хочет, чтобы это я была больна, а не Шу. Или что моя семья была бы куда счастливее, если бы я ушла.

Отец живет в своем собственном мире, где каждый из нас играет свою роль, соответствуя представлениям о хорошем враче и его примерных дочерях. Он всегда считал, что если бы я говорила верные слова и поступала должным образом, то я бы не навлекла на наш дом такие беды.

Даже когда мама была жива, а я была счастлива, проводя время в саду со своей семьей, мне всегда казалось, что я вращаюсь вокруг них, словно планета, но при этом следуя своему собственному курсу, однако не ведая при этом, куда

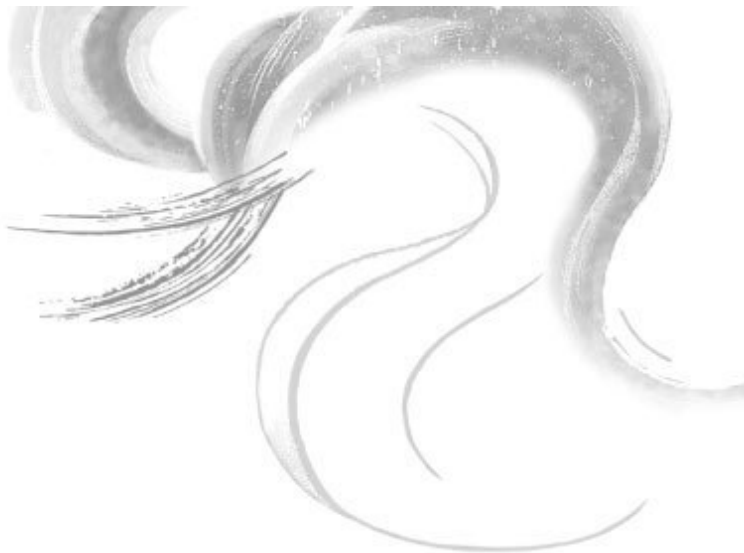
³ Отсылка к народной китайской сказке о пастухе и девушке-ткачихе. Их любовь оказалась запретной, и божественная река, символизирующая Млечный Путь, разделила возлюбленных. Но раз в год, ровно на один день, стоя сорок обрывает мост над рекой, чтобы соединить два любящих сердца.

он меня заведет.

Возможно, я вот-вот это узнаю.

Глава 4

У меня сводит ноги после ночи беспокойного сна на борту парома, когда на следующее утро я наконец прибываю к западным воротам дворца и царящему там хаосу. Я примчалась сюда сразу же, едва сойдя на берег, успев лишь в спешке попрощаться с Лифен и ее семьей. У меня не было времени даже мельком осмотреть город; я должна получить доступ во дворец до времени, которое указано в свитке, в противном случае ворота для меня будут закрыты.

Люди толпятся на улице возле ворот, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть происходящее. Биение сердца отдается у меня в горле, я в предвкушении. И вот толпа несет меня ближе ко входу. Охранники ждут у дверей, с измученным видом поглядывая на встревоженного чиновника, который, похоже, раздражен тем, что ему поручили это задание. Он пускает только тех, у кого на руках есть приглашение.

Некоторые шеннон-ши хорошо известны в столице: они сопровождают своих учеников до ворот, и при виде них чиновник кланяется, позволяя им пройти, даже не заглядывая в свитки. Некоторые в толпе выкрикивают их имена, аплодируя. Моя мама не знала подобного признания в нашей деревне, и мне больно видеть это, осознавая, что ее могли уважать, вместо того чтобы принимать ее умения как само собой разумеющееся.

«Изменения происходят медленно», – говорила она. Вдовствующая императрица признала это. Она была той, кто возвысил шеннон-ши при дворе, она утвердила наше мастерство в качестве врачебного искусства. Именно императрица была той, кто поощрял обучение, начиная от деревенских аптекарей до самого высокооплачиваемого императорского врача. Объединение традиций – старых и новых. Но в нашей провинции к магии шеннон-ши до сих пор относились с опаской, особенно если ей занималась женщина.

Чиновник бросает беглый взгляд на мой свиток, прежде чем махнуть мне рукой. Те из нас, кого допустили, столпи-

лись в маленьком дворике. Я мельком вижу дворец через слегка приоткрытую дверь. Буйство зелени у входа, подстриженные кустарники и декоративные деревья. Блеск отполированных перил, что ведут вниз по дорожке. Зайти так далеко и получить отказ... Я не имею права даже думать об этом.

– Могу ли я привлечь ваше внимание, – другой придворный чиновник взбирается на импровизированную сцену посреди двора. – В «Книге чая» признано сто десять шеннон-ши. Чтобы убедиться в том, что вы действительно являетесь шеннон-ту под их предводительством и можете войти во дворец, мы проведем для вас простой тест, направленный на подтверждение ваших навыков.

По толпе проносится гул, пока мы обмениваемся неуверенными взглядами.

– Выстройтесь в линию, – снова закричал чиновник, – и мы начнем.

Да уж, и впрямь имеет смысл проверить тех, кто мог за получить свиток незаконным путем, – например, таких как я. Мои ладони становятся влажными. Я пытаюсь украдкой вытереть их о тунику.

Невысокая девушка с длинной косой на макушке врезается в меня. Она шепчет извинение и интересуется:

– Как думаешь, что они будут спрашивать у нас?

– Не знаю. – Я встаю на цыпочки, чтобы разглядеть происходящее. Участники выстроились у палатки у вторых ворот, но то, что происходит внутри, предусмотрительно скрыто от

посторонних глаз.

– Отойдите в сторону, – с пренебрежением бросает один из молодых людей, проходящих мимо. На нем темно-коричневая туника с красивой синей вышивкой на воротнике и рукавах, наверное, кто-то часами трудился над ее изготовлением. – Парочка деревенщин.

Я смотрю прямо на него, вскипая от брошенного оскорбления. Он посчитал, будто мы настолько бедны, что нам приходится питаться грязью.

Девушка, которая стоит рядом со мной в очереди, ошетиливается и шипит на него:

– Что ты сказал?

Он лишь смеется.

– Котенок из Юнь думает, что у него есть когти.

Мне достаточно быстрого взгляда на охрану, которая расположилась по периметру, чтобы напомнить себе о том, что мне не стоит начинать перепалку, даже если сейчас руки у меня так и чешутся толкнуть его в лужу грязи, где ему самое место. Я плетусь за девушкой, опустив голову.

– Ты из провинции Юнь? – бормочу я в попытке завязать разговор, чтобы отвлечь себя и не ударить кулаком в это высокомерное лицо. Мне мало что известно о Юнь, помимо того что женщины оттуда обычно заплетают себе длинные косы, перебрасывая их через плечо либо же закрепляя на макушке в кольцо.

Девушка качает головой и закатывает глаза.

– На самом деле я с «бедного и грязного» плато Калла. – Я отмечаю для себя ее теплый медовый цвет лица – признак того, что она проводит на солнце куда больше времени, чем я.

– Я – Нин, из «отсталой» провинции Су.

– Я – Лиан. Тигрица Севера. – Она рычит, но свирепость тут же сменяется хихиканьем. Я тоже смеюсь, радуясь, что я не единственная шеннон-ту, которая приехала издалека, чтобы принять участие в состязании.

Вскоре мы оказываемся в первых рядах. Я ныряю в палатку. Внутри за столом сидит мужчина в официальной мантии, а по обе стороны от него стоят охранники. На стене над его головой развешается знамя Дакси и огромный императорский дракон.

– Покажи нам свои вещи, – после официального жеста охранники продвинулись вперед.

– Подождите! – Я пытаюсь возразить, но они снимают коробку с моей спины и вынимают мешок с теми немногими вещами, что я принесла с собой.

– Мы обязаны сделать это, чтобы обеспечить безопасность королевской семьи, – продолжает чиновник равнодушно.

– Разумеется, здесь же столько всего, – я забираю свой комок одежды, пока они продолжают рыться в моих личных вещах. Мое лицо горит, когда я торопливо запихиваю все обратно в мешок. – В столице все такие параноики?

Младший охранник с любопытством смотрит на меня.

– Разве ты не слышала новости? За последний месяц число покушений увеличилось. Кто-то даже осмелился напасть на принцессу среди бела дня на празднике весны!

– Ты! – Прогрохотал голос чиновника. – Мы не разговариваем с участниками.

– Мои извинения. – Охранник наклоняет голову и падает на одно колено.

Чиновник бормочет себе под нос нечто не слишком дружественное и машет рукой другому охраннику, чтобы тот открыл мамин короб шеннон-ши. Мой желудок сжимается при мысли о том, что этим драгоценным достоянием распоряжается другой человек, но я не могу отказать представителю императора.

Искусно вырезанный сундук из красного дерева отполирован до блеска и сверкает даже в тусклом свете палатки. Крышка удерживается на месте благодаря кожаному ремешку, который открывается, демонстрируя девять отделений. Три по бокам от самого большого отсека, расположенного в центре, и два длинных отсека сверху и снизу. В длинных отсеках лежат фарфоровые чайные чашки мамы и бамбуковая посуда, а в отсеках поменьше хранится ассортимент ингредиентов.

– Где ты научилась своему искусству? – спрашивает чиновник, проверяя свиток, который должен содержать подробности об именах, внесенных в «Книгу чая».

– Я учусь у своей матери, Ву Итин. Она шеннон-ши из

деревни Синьи, провинции Су. – Единственное, что позволит мне пройти испытание – это удаленность моей деревни от Цзя и тот факт, что моя сестра слишком молода, чтобы называться официальной шеннон-ту нашей мамы.

– Посмотрим, правда ли это, – бросает чиновник, когда берет одну из чашек и скептически рассматривает. – Мы уже отправили нескольких самозванцев в городские темницы за то, что они выдавали себя за шеннон-ту. Это серьезное преступление.

Я заламываю руки в ожидании, когда мой обман раскроют.

Он открывает одну из баночек и всматривается в вещество, пощипывая лепестки внутри и вдыхая запах на кончиках пальцев.

– Скажи-ка мне, что это?

– Жимолость, – отвечаю я.

Так начинается тщательный осмотр каждого предмета в коробке. Я отвечаю, как умею, называя каждый ингредиент, каждый цветок или траву. Су – сельскохозяйственная провинция с плодородными землями, которые идеально подходят для выращивания риса, но наш климат не так уж хорош, когда дело доходит до ценных сортов чая, произрастающих в высокогорье. Вместо него мама собирала разные виды цветов, чтобы подчеркнуть вкус чая и придать ему аромат, она также использовала их целебные свойства для лечения сезонных болезней.

Чиновник хмурит брови, когда вытаскивает что-то зеленое и перекатывает находку между пальцев. Свежесорванный цветок. Белые бутоны в соцветиях. Я почти что задыхаюсь и тут же прикусываю язык, чтобы не шевелиться.

– А это? – он подносит бутон к глазам, изучая лепестки.

– Это цветок помело. – Надеюсь, чиновник не слышит дрожь в моем голосе. – Известен своим резким запахом.

Всего несколько бутонов в его пальцах наполнили небольшое пространство палатки ярким цветочным ароматом. Не знаю, как цветок, который я оставила нетронутым в Су, сопровождал меня на протяжении всей дороги до столицы, но почему-то я думаю, что это знак, что моя мама все еще присматривает за мной.

Чиновник смотрит на меня, а затем опускает цветок обратно в коробку.

– Я верю, что ты та, кем, как утверждаешь, ты являешься. – Я вздыхаю с едва уловимым облегчением, когда он ставит на мое приглашение королевскую печать.

– Второй охранник Чен? – Молодой человек сразу же встает по стойке «смирно». – Пометьте вещи ее именем и отнесите в кладовую участников.

– Да, сэр. – Он кланяется и пытается вырвать коробку из моих рук. Я снова протестую, мои руки не хотят выпускать вещи. Я скорее заявлюсь на состязание в лохмотьях, нежели отдам коробку в руки незнакомцу.

– Мы сохраним ваши вещи в безопасности, – безразлично

говорит чиновник. – Слишком велик риск отравления, если каждый принесет свои вещи во дворец.

– Но... мои чашки... – слабо отвечаю я и выпускаю коробку из рук.

– Следуй за ним, пока я не передумал, – предостерегает меня чиновник, он сопровождает свою угрозу кивком. – У меня сегодня слишком много людей, которых я должен успеть допросить.

Я кланяюсь и бегу за охранником, у меня сводит живот.

– Не волнуйся, – шепчет мне охранник, который несет мою коробку, когда полог палатки захлопывается за нами. – Я прослежу, чтобы она была в безопасности.

Передо мной открываются ворота, и я прохожу внутрь.

Дворец словно сошел со страниц книги сказок, моему взору предстает невероятное зрелище. Я даже моргаю несколько раз, чтобы убедиться, что все реально. Дворец даже больше, чем огромные дома, которые я видела с парома, пока мы подплывали к столице. Лакированные колонны слишком велики, чтобы я смогла обхватить их руками, а широкие крыши покрыты пурпурной черепицей. Я с трудом могу разли-

читать страх, волнение и предвкушение, что бурлят во мне, пока мы идем позади остальных охранников. Они ворчат, когда мы задерживаемся на одном месте, но здесь есть на что засмотреться.

Альпинарий, который обустроен в идеальной симметрии.

Мерцающий пруд с карпами кои, переливающимися оранжевым, белым и золотым под его волнистой поверхностью.

Изящные вишневые деревья, которые покрыты сияющими розовыми и белыми цветами.

Пьянящие ароматы бутонов и благовоний витают в воздухе павильонов под открытым небом, через которые нас проводят. Мы следуем за охранниками по деревянным мостам и каменным платформам, пока не достигаем наших резиденций. Молодые женщины, нас всего одиннадцать, должны быть размещены в одном месте. Большинство участников – мужчины, и многие из них старше меня. Перед ними открыта возможность принять участие в состязании шеннон-ши в Академии Ханься в возрасте двадцати шести лет. Я рада видеть, что Лиан тоже попала во дворец, мы вместе быстро выбираем совместную комнату.

Охранник с суровым лицом приказывает нам оставаться в этом крыле дворца на время состязания. Не бродить по залам и не мешать дворцовым слугам, не заигрывать с придворными чиновниками с целью узнать о предпочтениях судей, не сбегать через задние ворота, дабы незаконно добыть дорогие ингредиенты.

Каждая стена в резиденции украшена удивительными деталями. Свитки каллиграфии висят рядом с замысловатыми картинами безмятежных бамбуковых лесов или женщин, которые элегантно позируют рядом с орхидеями. Декоративные полки, на которых можно разместить хрупкие вазы или резьбу по дереву. Даже курильницы выглядят словно произведения искусства – их украшают статуэтки обезьян в разных позах.

Я осторожно прикасаюсь к деревянной гравюре, восхищаясь запечатленными деталями в крошечном глазу колибри. Лиан вытряхивает свои одеяла рядом со мной, и вышитые цветы, тянущиеся от одного края шелкового покрывала к другому, привлекают мое внимание своими яркими красками. К горлу подступает ком, когда я вспоминаю о Шу. Сестра очень любит вышивать, она часами тщательно делает каждый стежок, чтобы сформировать подобные лепестки. Это она должна быть в постели рядом со мной, болтая обо всем, что мы видели, и обо всем, что нам еще предстоит испытать.

Нам не дали слишком много времени на то, чтобы устроиться, прежде чем нас вызвали в коридор, расположенный перед нашим павильоном. Когда в середине часа раздается удар гонга, две служанки провожают нас на первую часть состязания. Пройдя еще один лабиринт из коридоров и дворов, мы подходим к великолепному зданию с черными каменными колоннами, которые украшены резьбой на водную тему.

Из подводных дворцов выпрыгивает рыба, а крабы ослепительными узорами снуют туда-сюда. Двери высотой в два человеческих роста ведут в большой зал. Стены обшиты панелями, древесину которых, должно быть, достаточно сложно содержать в условиях столичной влажности.

Платформы слева и справа уже заставлены столами и заняты гостями. Вокруг меня шепотом называют различные имена, размышляют вслух о личностях судей, которые были выбраны для наблюдения за состязанием. В дальнем конце комнаты расположен помост, на самом видном месте которого сидят двое мужчин, посередине пустое место, ожидающее последнего гостя.

– Кто эти чиновники? – я шепчу Лиан, пока мы топчемся в толпе. Мы держимся за руки, чтобы не потеряться в группе конкурентов, которые проталкиваются вперед для лучшего обзора. Наши ноги скользят по отполированному до блеска деревянному полу.

– Слева – министр Обрядов Сон Лин, – отвечает Лиан. Из того немногого, что мне известно о дворе, я знаю, что он – один из самых высокопоставленных людей в королевстве. За придворными чиновниками наблюдают четверо министров, которые консультируют императора по вопросам управления Дакси. – Тот, что справа, – Почтенный Цянь. – Это имя я вспоминаю благодаря одному из уроков мамы: он был шен-нон-ши, которого признала вдовствующая императрица, когда она была регентом. Серебристые волосы и длинная раз-

вевающаяся борода делают его похожим на одного из мудрецов из сказок. – Должно быть, принцесса пригласила его из академии, чтобы он посетил состязание. Последнее, что я слышала от своего наставника, так это то, что он отправился в Елю, чтобы изучить древние тексты.

Поскольку Лиан была родом из еще более отдаленной деревни, чем моя, я предположила, что она будет менее осведомлена о политике двора. Но, похоже, у моей новой подруги тоже есть свои связи во дворце. Прежде чем я успеваю задать вопрос, глашатаи призывают нас к тишине и мы преклоняем колени.

Министр Сон встает.

– Приветствую шеннон-ту нашей великой империи. Вы участвуете в торжествах в честь покойной вдовствующей императрицы Уян и ее наследия. Верховная Леди относилась к искусству чая с большим уважением. Это находит след в нашей культуре и в нашем наследии. Это дар самих богов.

Министр бубнит о достоинствах чая, пока у меня не начинают неметь ноги от стояния на коленях. Наконец нам велют подняться.

– Ее Императорское Высочество, Принцесса Инь-Чжэнь! – восклицает глашатай.

Принцесса входит через боковую дверь, ее спина прямая, а движения собранны. Ее телохранительница следует рядом с ней, рука лежит на рукояти меча. Я вспоминаю слова охранника о покушениях на эту молодую девушку, и меня

бросает в дрожь.

Несмотря на то что церемониальная одежда должна быть тяжелой и давить на плечи, принцесса ничем не выдает того, что ей нелегко в этих одеяниях. Ее халат окрашен в фиолетовый цвет, оттенок настолько темный, что кажется почти черным.

Когда принцесса передвигается, ткань платья покачивается за ее спиной, а нити мерцают и колышутся, являя взору горные вершины и извилистые реки, вышитые серебром. Она буквально носит империю на себе.

Когда принцесса поворачивается к нам лицом, я даже на расстоянии вижу, как ее кожа сияет подобно жемчужине. Рот принцессы – ярко-красное пятно, которое напоминает лепесток цветка. Она садится в кресло между министром и шен-нон-ши и произносит:

– Я жажду увидеть, что вы нам покажете. – Несмотря на то что она сидит, ее голос разносится по всему залу. Она говорит с уверенностью человека, который точно знает, что ее будут слушать. – Состязание начнется сегодня вечером во Дворе Светлого будущего. Как однажды сказал Провозглашенный Император, фермеры составляют основу нашей страны, но пища питает душу. Каждому из вас будет дано традиционное блюдо вашей провинции. Я бы хотела, чтобы вы заварили чай, который идеально к нему подойдет. Однако... – Ее губы изгибаются в улыбке. – Мы стараемся сделать каждое испытание максимально честным. У всех вас будет три серебря-

ных юаня и два часа на рынке, чтобы купить чай и необходимые добавки. Тот, кто потратит больше выделенной суммы или не вернется вовремя, будет отстранен.

По толпе пробегает ропот, без сомнения, возмущаются те, у кого есть деньги на покупку более дорогих сортов чая и которые собирались благодаря этому получить преимущество среди остальных участников.

– Первое испытание будет открытым для публики, чтобы все могли лицезреть красоту искусства шеннон. – Проницательный взгляд принцессы скользит по нам, его посыл предельно ясен: *«Надеюсь, вы меня не разочаруете»*.

Принцесса поднимается, чтобы уйти. Она, царственная, сдержанная, вызывающая трепет, выглядит старше своих девятнадцати лет.

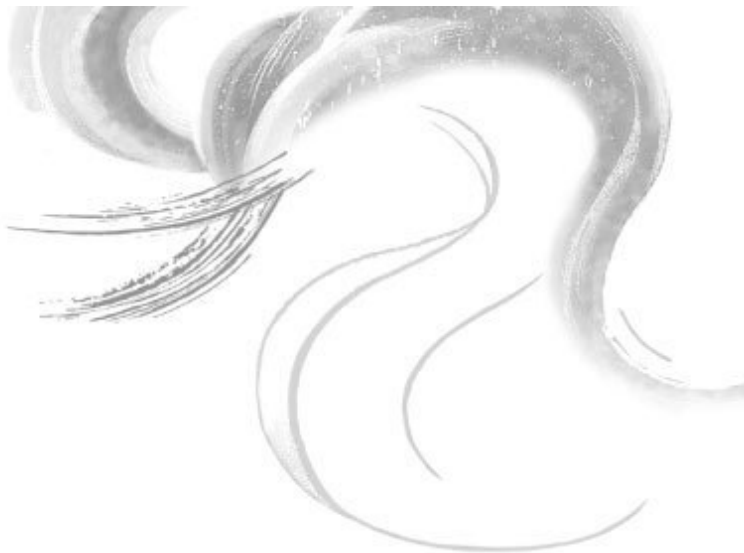
– Слава принцессе! – кричит один из глашатаев, и его голос разносится по всему залу, подобно гонгу.

– Слава принцессе! – сидящие поднимают кубки в знак уважения. Те из нас, кто стоит, опускаются на колени и кланяются, касаясь лбами земли, и остаются в таком положении до тех пор, пока принцесса не покидает зал.

Состязание начинается.

Глава 5

Нас провожают на кухню, чтобы мы сразу же смогли начать подготовку. Распорядительница Ян – женщина с суровым лицом. Ее темные седые волосы собраны в строгий пучок. Осмотрев нашу группу, она презрительно фыркнула.

– Императорские кухни обслуживают принцев и высокопоставленных лиц из дальних стран. – Женщина машет двум слугам, каждый из которых держит в руках по корзине с красными жетонами. – Не опозорьте продукты на моей

кухне.

Жетоны вынимают один за другим, на каждом из них вырезаны наши имена и блюда, которые мы должны приготовить. Мы с нетерпением устремляемся вперед, чтобы поскорее принять жетон.

Блюдо, которое выпадает мне – пельмени из рисовой муки, – простое блюдо и к тому же одно из моих самых любимых. Клейкое рисовое тесто с начинкой из арахиса, завернутое в листья бамбука и приготовленное на пару. Это блюдо фермеры носят с собой на обед, привязывая порцию веревкой к поясу.

– Рисовый пирог? – Лиан усмехается, демонстрируя мне свой жетон. – До чего примитивно.

– У вас какие-то проблемы с полученным заданием? – Распорядительница угрожающе набрасывается на нас, и Лиан что-то пищит в ответ. Мы вместе убегает, прежде чем нам успели бы сделать выговор.

У входа на кухню Лиан начинает перечислять блюда местной кухни Калла, которые могли бы выбрать для этого испытания, и этого перечисления было достаточно, чтобы у меня заурчало в животе. Рыба, приготовленная в кисло-сладком соусе; сладкое молочное тесто, обжаренное на палочке; утка в меду, зажаренная до румяной корочки.

Похоже, перечисленные Лиан блюда звучали настолько соблазнительно, что даже охранник, который стоял у двери, не смог устоять и вмешался в наш разговор:

– Я обожаю баоцзы⁴. Хрустящее тесто с начинкой из ветчины и сахара. – Охранник прикрывает глаза, будто мысленно смакует вкус. – Я словно снова дома.

Лиан выглядит довольной.

– Я так и думала, что встречу народ Калла во дворце.

Молодой человек улыбается в ответ, сверкая белыми зубами.

– Меня перевели сюда всего несколько месяцев назад.

– Приятно познакомиться с тобой, брат. – Лиан прикладывает руку к груди и кланяется. В свою очередь, охранник тоже кланяется, повторяя ее жест.

Удар полуденного гонга сотрясает воздух, напоминая нам о срочности нашего задания. Мы быстро прощаемся с новым знакомым и спешим догнать остальных участников.

Когда нас выпускают из дворца, нашему взору предстает весь город. Лиан уверенно идет по улице, длинная коса раскачивается у нее за спиной, а я следую за ней. Мы оказываемся на рынке, когда она наконец замедляет шаг.

Я впитываю оживленную атмосферу, которая царит вокруг меня, чтобы зарядиться энергией перед предстоящим испытанием. Мимо проходят дамы в длинных струящихся платьях, а их слуги следуют за ними, неся в руках покупки. Мы проходим мимо магазинов тканей, где на продажу выставлены красивые рулоны шелка и хлопка. Я украдкой трогаю некоторые ткани, просто чтобы ощутить роскошное

⁴ Баоцзы – китайские булочки, приготовленные на пару (прим. переводчика).

прикосновение к своей коже. Эти ткани невероятно отличаются от домотканых материалов, к которым я привыкла. На другой узкой улице, похоже, обосновались небольшие магазинчики с ассортиментом чернил и кистей для каллиграфии и рисования. Какая-то часть меня отчаянно жаждет посмотреть на них чуть дольше, впитать плавные изгибы и напористые штрихи на свитках или пейзажи с пучками облаков на вершинах острых пиков и безмятежно проплывающие мимо бамбуковые лодки.

Рассматривая окружающие меня вещи, я во всем вижу Шу. Ей бы очень понравился светло-зеленый наряд молодой аристократки, которая разглядывает киоск с кистями. Цвет платья девушки наводит на мысль о первых весенних почках. Вместо того чтобы задержаться в каллиграфической мастерской, Шу, конечно, куда охотнее заинтересовалась бы натянутой на раму вышивкой с изображением журавлей, сидящих на толстых ветвях белой сосны. Она бы восхищалась переливами перьев и мельчайшими деталями сосновых иголок. Я полна решимости однажды привести сюда Шу, чтобы она смогла увидеть все это своими глазами.

Я отворачиваюсь от прилавка с вышитыми цветами и понимаю, что потеряла Лиан в толпе. Меня охватывает паника. Я одна в этом огромном городе.

Серебряные монеты тянут мешочек, который спрятан у меня в юбке. Это самая большая сумма денег, что мне доводилось иметь, и я прекрасно помню наставления отца

о том, что столица кишит ворами и отморозками, которые спят и видят, как бы нажиться на молоденьких девушках. Но я делаю глубокий вдох и заставляю свое часто бьющееся сердце успокоиться. Я добралась до Цзя в одиночку, и уж мне точно по силам доказать себе и этим ребятам, что я не какая-то там деревенщина из Су.

Я прохожу мимо особняков с внушительными воротами и изо всех сил стараюсь не пялиться на богато украшенные стропила, которые поддерживают крыши. Проходя через небольшие каменные ворота, я попадаю на рынок, который забит продавцами фруктов. Большие корзины наполнены фруктами: питайя с розовой кожурой, золотой кумкват, зеленые и фиолетовые сливы. Аромат фруктов, созревающих под теплым полуденным солнцем, опьяняет, и один из этих плодов может стать ингредиентом, который я ищу, чтобы дополнить свое блюдо.

Я держу в руке мягкую сливу из корзины, когда краем глаза замечаю мальчика, который бросился вперед, чтобы подобрать фрукт, только что упавший на землю. Он засовывает его в рот и жует так жадно, что фруктовый сок стекает по его подбородку. Я улыбаюсь рвению мальчика.

– Вор! – охранник хватается мальчика за плечи и трясет, тем самым привлекая внимание окружающих.

– Он упал на землю! – мальчик начинает плакать. Он пытается сбежать, но охранник бьет его коленом в спину, и ребенок падает в грязь.

Мое веселье как рукой сняло. Я уже была свидетельницей того, на какие наказания способны солдаты. Я видела взрослых мужчин, чьи спины превратились в кровавое месиво. Это всего лишь ребенок, а моего отца здесь нет, чтобы он мог вмешаться. Я должна помочь ему сама.

Я беру мальчика за руку и поднимаю его на ноги, чтобы убежать. Реакция охранника оказывается быстрее, чем я предполагала, он тут же хватается мальчика за другую руку, так что он оказывается в ловушке между нами.

– Кто ты такая? – спрашивает охранник.

– Это мой брат. – Я в отчаянии, и ложь легко слетает с моего языка. – Что он натворил на этот раз?

– Он украл фрукт с моего прилавка! – На мой вопрос тут же прибегает торговец, потрясая при этом кулаком. – Мальцу повезло, что я не требую отрубить ему руку!

Я едва не задыхаюсь от абсурдности подобного заявления, мысленно представляя, как Министерство юстиции идет на поводу простого торговца фруктами. Но я тут же успокаиваюсь, вспоминая, что мне нужно вернуться к своей изначальной задаче – подготовиться к состязанию.

– Господа, мы путешествовали из сельской местности Су. Мой брат всего лишь устал и голоден, но мы можем заплатить! – Я роюсь свободной рукой в кармане в поисках монеты.

– Это правда? – охранник снова трясет мальчика, требуя, чтобы он ответил. Я крепче сжимаю его плечо и впиваюсь

в него ногтями до тех пор, пока мальчик не встречается со мной взглядом.

«Подыграй мне», – пытаюсь сказать ему взглядом.

Мальчик в ужасе кивает, слезы ручьем текут из его глаз.

– Ой, да отстаньте вы от них! – кричит один из самых сочувствующих мужчин в толпе. – Он всего лишь ребенок.

Другие посетители рынка согласно кивают, поддерживая мужчину. Настроение публики сменяется с удовлетворения, которое они испытывали, наблюдая за зрелищем, что развернулось перед ними, на сострадание рыдающему мальчику, и они с отвращением принимаются бросать монеты в торговца фруктами.

Я не могу сдерживать улыбку при виде того, как лицо торговца принимает ярко-красный оттенок, но он не настолько пристыжен, чтобы прекратить борьбу со своей жадностью при виде блестящих монет. Торговец отмахивается от охранника, а его пальцы жадно тянутся к сверкающим в грязной луже медным монетам.

Я отвожу мальчика в сторону и тихо говорю с ним, сунув ему в руку несколько монет.

– Уходи с рынка как можно скорее и больше не попадай в неприятности. – Мальчик кивает и вытирает рукавом слезы и сопلي с лица, прежде чем убежать прочь.

Я мысленно напоминаю себе, что нужно прислушаться к собственному совету и уходить отсюда, пока я не совершила очередную ошибку. Выходя с рынка, я замечаю, что еще

один юноша – на этот раз постарше, примерно моего возраста – ухмыляется мне. Он выглядит богатым, судя по отделке его плаща, возможно, он сын купца или даже аристократа. Юноша понимающе улыбается мне, как будто мы только что разделили с ним одну шутку. Я чувствую укол раздражения и отворачиваюсь. Мы не можем быть более разными, но тем не менее он все еще делает вид, будто понимает меня.

Раздается удар часового гонга, по-моему, время идет слишком быстро. Я спрашиваю у одного из торговцев, как мне пройти к району с чайными, и он указывает на тихий переулок, уверяя меня в том, что это самый короткий путь.

В переулке всего несколько магазинов и закрытые дверные проемы. Я спешу по улице, стремясь к месту назначения, пока оглушительный шум, раздавшийся откуда-то сверху, не отвлекает меня. Я замедляю шаг и поднимаю голову, шурю и бегло провожу взглядом по изгибам высоких крыш. Но все, что я замечаю, – лишь солнечные блики на черепице.

На меня надвигается тень.

«Это всего лишь игра света», – пытаюсь успокоить себя я.

Я снова смотрю вверх. Все еще ничего. Но в памяти всплывает воспоминание о драке с вором в маске.

Лишь когда я оказываюсь почти в самом конце переулка, я замечаю фигуру, которая наблюдает за мной из-за прилавка.

Движение. Вспышка черного.

Я бросаюсь бежать, надеясь лучше разглядеть его. Это не вор. Быть того не может.

Когда я выбегаю на следующую улицу, проходит мгновение, и я снова его замечаю: незнакомец, который молниеносно движется сквозь толпу. Я проскальзываю между прохожими, но фигура держится на расстоянии нескольких шагов. Я бегу до тех пор, пока не сбиваюсь со счета поворотов, которые уже успела преодолеть.

Фигуры нигде не видно.

К тому же я окончательно и бесповоротно потерялась.

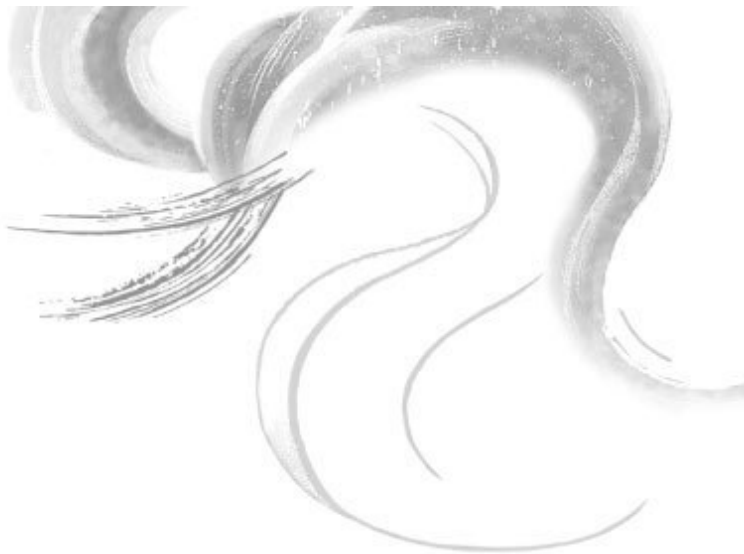
Меня снова охватывает паника. Я не должна была позволять своему любопытству одержать верх. Я быстро спрашиваю у прохожего, как мне вернуться обратно, старательно запоминая маршрут. Но стоит мне повернуть за угол, как на меня снова нападает тень.

«Не позволяй Изгнанному Принцу схватить тебя в темноте...»

Я делаю шаг назад и натыкаюсь на кого-то спиной... Чья-то рука хватается меня сзади.

Глава 6

Я инстинктивно наступаю каблуком ему на ногу. Хватка, удерживающая мою тунику, ослабевает, и я бросаюсь вперед, не желая упускать возможность после неожиданного освобождения.

– Подожди! – позади меня раздается голос. – Всего секунду!

Я оборачиваюсь и узнаю молодого юношу, которого уже видела прежде – богатый парень, который совсем недавно

улыбался мне на рыночной площади, – он прыгает на одной ноге.

– Прошу, не заставляй меня бегать за тобой, – говорит юноша с усмешкой.

Я разглядываю его: взлохмаченные темные волосы, ниспадающие на плечи, золотая, теплого тона кожа, блестящие темные глаза и ухмылка. Моя мама сказала бы, что он выглядит как Юшу Лифэн⁵. Стойкость толстянки на ветру – вот что делает его тем, от кого захватывает дух.

– Сомневаюсь, что нога сломана, – отвечаю я, не в силах выразить ложного сочувствия. – Почему ты преследуешь меня?

Юноша аккуратно ставит ногу и морщится, проверяя, выдержит ли нога его вес.

– Я пытался привлечь твоё внимание, но ты витала в облаках.

– Там, откуда я родом, не принято хватать девушек со спины в пустых переулках, – парирую я.

– Да, прости за это. – Парень убирает волосы с глаз, похоже, он и впрямь раскаивается. – Я... я видел, что ты сделала для того мальчика.

Я оцениваю выражение его лица. Парень выглядит искренним. Он выглядит... красивым. Как один из парней в деревне, с которыми флиртowała Шу. Но, как я уже успела по-

⁵ Юшу Лифэн (кит. yù shù lín fēng) – молодой человек, отличительной чертой которого является красивая внешность и стильная одежда.

нять, не всегда можно доверять красивым чертам лица, а уж в причиненной ему боли виноват только он.

– Чего ты хочешь от меня?

– Ты солгала от имени мальчика, – отвечает юноша, приближаясь ко мне, выражение его лица становится серьезным. – Это было... храбро. Неожиданно. Ты не местная?

– Почему ты так решил?

– Ты говоришь так, как говорят жители южных провинций, слова будто вылетают из глубины твоего горла. Возможно, откуда-то чуть выше по течению? Но стоит учесть и то, что обычно жители Цзя не лезут из кожи вон, чтобы заступиться за воришек. Им претит проявлять доброту. Должно быть, ты только приехала. И, что уж там... ты выглядишь потерянной. Ты бродила тут довольно-таки долго.

Ну, разумеется, я выгляжу как путешественница, я не похожа на местную. Неужели все жители этого города так и норовят указать пальцем на тех, кто сюда совсем не вписывается?

Юноша морщится.

– Я не это имел в виду.

Должно быть, все эмоции отразились на моем лице. Шу бы вдоволь посмеялась надо мной. «Подними подбородок, – не сдерживая смеха, сказала бы мне сестра. – Ты похожа на оскорбленного петуха». Шу – единственная, кому бы я позволила дразнить себя подобным образом.

– Я всего лишь хочу предложить свою помощь.

Я с опаской перевожу на него взгляд.

– И с чем же ты собрался мне помогать?

– Я знаю этот город как свои пять пальцев. Если хочешь пойти куда-то или если ты что-то ищешь, я могу проводить тебя в нужное место. Цзя не самое безопасное место для путешественников. Разве ты не слышала сказок? Тень может быть на свободе, она может попытаться поймать тебя.

Знаю, он шутит, но меня пробирает дрожь при мысли о секретах, скрывающихся за маской.

Мой разум пронзает мимолетное подозрение. Почему он пошел за мной с самого рынка?

Мог ли этот юноша быть Тенью, с которой я дралась в Су?

Нет, это уже какая-то паранойя. Я замечаю его тонкую шелковую тунику и блеск драгоценностей, которые вшиты в пояс. Он не бандит и уж точно никогда не был в таких местах, как Су.

Парень усмехается, и солнечный свет заставляет его глаза сверкать. В ответ что-то внутри меня трепещет. Что-то не совсем уж неприятное.

Мне бы и впрямь не помешала помощь, чтобы найти дорогу, а он может сориентировать меня в поисках нужной чайной. Это заняло бы куда меньше времени в сравнении с тем, как я кружила бы по городу и в конце концов заплутала.

– Так, куда ты направляешься? – спрашивает парень. – Спешишь на подготовку к академическому экзамену? Хочешь присоединиться к театральной труппе? Терроризиру-

ешь городскую стражу? – Каждый новый вариант был абсурднее предыдущего, поэтому в конце концов я не могу сдержать смеха. Но это напоминает мне о моей цели, и настроение мрачнеет.

– Я здесь ради состязания, – хрипло отвечаю я.

Его глаза расширяются.

– Ты шеннон-ту? Ты не выглядишь достаточно взрослой для того, чтобы проходить испытания.

– Дар можно разглядеть в любом возрасте, – обиженно говорю я. Многие шеннон-ши внушают это своим ученикам. Путь каждого шеннон-ту начинается с небольшой склонности к магии, но к некоторым силы этого искусства приходят совершенно естественно и неосознанно. Если талант врожденный, он не заставит себя долго ждать и быстро проявится, – как всегда говорила моя мама. Она любила рассказывать историю о том, как нашла меня, когда мне еще не было даже трех лет, – я просеивала землю и показывала на места, где она переливалась; я была твердо уверена в том, что на тех местах будут прорасти растения, причем я заранее знала, какие именно. Но я всегда смущенно отмахивалась от нее, считая это огромным преувеличением.

– Что тебе нужно найти? – он потирает руки в предвкушении. – Я знаю все лучшие магазины в этом городе.

– Мне нужна чайная, – отвечаю я, решив довериться незнакомцу, раз уж это приблизит меня к моей цели. – С лучшим ассортиментом чая.

– Меня ничуть не удивляет подобная просьба шеннон-ту. Она находится к северо-западу отсюда, по пути я могу показать тебе некоторые из моих любимых мест.

Я быстро подсчитываю время, которое у меня осталось, чтобы собрать все необходимое и вернуться во дворец, и останавливаюсь на том, что его предложение вполне приемлемо.

– Есть ли имя у того, кто вызвался быть моим благодетелем?

– Ты можешь называть меня, как пожелаешь, – с поклоном отвечает парень, его действие выглядит одновременно очаровательным и смешным. – Подлец? А может, Хитрец?

Он ведет себя так, как деревенские парни ведут себя рядом с Шу, когда надеются, что смогут обратить на себя ее внимание. Никто никогда не вел себя со мной подобным образом.

Это... выбивает из колеи.

Я качаю головой.

– Тогда Бо. Можешь звать меня Бо. – Его заявление сопровождается ухмылкой. Бо – распространенное прозвище среди парней, поэтому вряд ли это его настоящее имя. Но я не против. Даже лучше, если я не буду знать его настоящего имени. Это избавит меня от соблазна искать имена сыновей министров после того, как наши пути разойдутся. – Что насчет тебя? Защитница беспомощных?

– Можешь звать меня... Мей. – В эту игру могут играть

двое. Мой голос приобрел дразнящие нотки, что сделало его совсем чужим. Этот голос принадлежит кому-то самоуверенному. Какой-то кокетке.

Парень косится на меня и усмехается.

– Справедливо.

– Ты вырос здесь? – я спрашиваю его, когда мы проходим несколько поворотов и оказываемся посреди оживленной площади.

– Ага! – Бо вскрикивает, игнорируя заданный вопрос. – Я таких уже много лет не видел. – Выражение лица Бо меняется, обретая юношеский восторг, он выглядит до невозможности мило. Как если бы настоящий Бо на мгновение снял маску и солнце пробилось сквозь тучи и согрело меня своим теплом.

Я спешу за Бо и догоняю его у белого мраморного прилавка. Мастер достает ковш из кипящего котла с расплавленным сахаром и выливает его на ровную поверхность, повторяя очертания карпа. Он дорисовывает детали несколькими поворотами и наклонами ковша, добавляя карпу длинные усы и зигзагообразную чешую. Мастер прикрепляет к нему деревянную палочку, и, быстро остыв на воздухе, это творение затвердевает. Счастливый покупатель визжит от восторга и покачивает конфетную скульптуру в воздухе. Кажется, будто карп качается на невидимых волнах.

– Ты просто обязана это попробовать! – Бо с большим энтузиазмом поворачивается ко мне. Я впервые замечаю, что

несмотря на, казалось бы, идеальные черты, между зубами у него есть небольшая щель. – В детстве я ради этого специально копил монеты и приходил на рынок.

Бо взволнован так же, как и остальные дети, которые наблюдают за процессом приготовления сладостей, и мне не хочется портить все своим отказом. Мастер предлагает каждому из нас вытянуть из бутылки плотно скрученный лист бумаги, который покажет, какое дивное творение он изготовит для нас.

Мы садимся на ступени аптеки, чтобы полюбоваться золотистыми фигурками, которые выглядят слишком красиво, чтобы их съесть. Мой леденец в форме рычащего тигра, что застыл в прыжке, а карамельный дракон в руках Бо извивается, устремляясь ввысь. Сладость солодового сахара ощущается легким покалыванием, когда тает на моем языке.

– Я могла бы есть их каждый день, – признаюсь я. В ответ на это Бо смеется и соглашается со мной.

– Однажды, когда я был маленьким, я засунул в рот столько конфет, сколько мог, пока меня не затошнило.

– Каково это было – расти во дворце? – спрашиваю я.

– Это было... – Бо останавливается, искоса глядя на меня. – И впрямь умно. Я не попадусь на твои уловки.

Я ухмыляюсь ему в ответ, довольная тем, что чуть было не заставила его признаться.

– Ты вырос здесь, в Цзя. Внутри дворца либо же очень близко к нему, и все же ты не любишь говорить об этом.

– Я вырос в семье солдата. – Бо дует на хвост дракона, его губы блестят от сахара. – Мой отец был очень дисциплинированным. Конфеты были угощением, которое мне позволяли есть только на новогодних торжествах.

– Мой отец такой же, но мама любила сладкое, поэтому она приносила нам разные угощения. – Сладости из дома те-ти каким-то образом попадали в наш дом, и мы с Шу ло-пали их украдкой, пока отца не было дома. «Языку нужно немножко сладости, – говорила она. – Сладость учит сердце любви».

Бо проводит ладонями по бедрам.

– Хотел бы я знать, любила ли моя мама сладкое, – отвечает Бо, всматриваясь вдаль. – Она умерла, когда я был очень маленьким.

Я смотрю на него и думаю о последних нескольких месяцах без мамы. Каково было бы жить без многих лет ее терпеливых наставлений. Каково было бы не только жить в мире, лишенном ее смеха, но и вообще никогда его не слышать.

Но, когда Бо поворачивается ко мне, его лицо лишено какого-либо намека на грусть. Парень встает и протягивает мне руку, он улыбается, когда я беру ее.

– Не будем омрачать сегодняшний день.

И со сладостью, которая все еще сохранилась на моих губах и кончиках пальцев, я следую за ним.

Цзя в представлении Бо – это место, которое способно вызывать восторг у маленького ребенка. Парень поистине внимательный проводник, мы пробираемся через центр города, который ведет к чайной. Я ловлю себя на том, что иду медленно, чтобы подольше насладиться путешествием, но в конечном итоге Бо остается верным своему слову, и мы входим в район, в котором расположены чайные.

Диву даюсь, как мои родители могли когда-то давно уехать из этого места, которое наполнено цветом и светом – этого здесь куда больше, чем в воспоминаниях мамы.

У входов висят фонари, на которых каллиграфией написаны названия заведений. «Лотос». «Пион». «Магнолия». Похоже, выбирать в качестве названий цветы – местная особенность.

Шатер рядом со входом в Дом Лотоса битком набит детьми. Мы останавливаемся и наблюдаем за тем, как занавес распаивается и под бурные аплодисменты на сцену выходят куклы.

– Однажды жил-был император, который в самом расцвете сил умер от потницы и оставил двух принцев, которые были слишком молоды для того, чтобы править, – начинает

невидимый рассказчик. – Но их мать, которая позже стала вдовствующей императрицей, вышла из своего дворца и заняла место при дворе позади старшего принца. Она направляла его и учила тому, как быть мудрым. Когда принцу исполнилось двадцать два года, он стал достоин трона, а когда ему стукнуло тридцать два, принц устроил охоту, чтобы отпраздновать свой десятый год правления.

По сцене порхает белый олень, а за ним на коне следует император. Но случайная стрела пересекает их путь и поражает императора в плечо. Несколько детей в зале ахают, увиденное настолько поражает меня, что я хватаю Бо за рукав.

Он смеется.

– Осторожнее, марионетки могут быть смертельно опасными.

Я слегка толкаю Бо в ответ, удивляясь тому, насколько комфортно чувствую себя рядом с ним, хотя знаю его совсем недолго. Ощущение, будто мы с ним были знакомы в другой жизни.

– Глубоко в лесу, – продолжает рассказчик, – подобное происшествие могло стоить ему жизни, но императору повезло, что неподалеку жил шеннон-ши.

При упоминании шеннон-ши глаза Бо на короткое мгновение задерживаются на мне, желая увидеть мою реакцию, но затем его взгляд снова возвращается к марионеткам.

– Шеннон-ши залечил его рану, устранил инфекцию и рассказал принцу о его будущем. – У куклы шеннон-ши

длинные развевающиеся волосы из шелковых нитей. У меня в горле возник ком, пока я внимательно рассматривала ма-рионетку.

Пророчество шеннон-ши известно с пеленок каждому жителю Дакси: «Ваш ребенок принесет вам большое горе и такое же большое счастье. Он пойдет по пути звездного света, но вслед за ним последуют тени».

– Император высмеял пророчество, потому что императрица еще не произвела ему наследников. Но через несколько месяцев... у императора родилась дочь, принцесса.

После того как представление заканчивается и толпа начинает расходиться, я обращаюсь к Бо:

– Принцесса прекрасна, прямо как о ней и говорят. Я всегда думала, что поэты и художники склонны к преувеличению, но она именно такая, какой ее и описывают. – Яркий образ принцессы после сегодняшней встречи с ней все еще свеж в моей памяти. Она стала регентом, пока император был изолирован в своих покоях из-за серьезной болезни. Быть может, это как раз то самое великое горе, о котором гласит пророчество?

– Правда? Мне куда интереснее, действительно ли она пережила сотню покушений, – отвечает Бо. – Говорят, у принцессы есть талисман, которому по силам защитить ее от недоброжелателей, или камень, излечивающий все болезни, что ей подарил таинственный шеннон-ши, спасший жизнь ее отцу.

«Камень, излечивающий все болезни». Я резко останавливаюсь, из-за чего девушка, шедшая сзади, спотыкается, но я не обращаю никакого внимания ни на нее, ни на проклятия, которые она бросает в мой адрес. Бо замечает, что меня нет поблизости, и озадаченно оборачивается на меня.

– Ты... – я делаю паузу и прочищаю горло. – Ты когда-нибудь видел этот камень? – Если у принцессы и впрямь есть этот камень, то это знак свыше. Я должна одержать победу в состязании.

Выражение лица Бо становится серьезным.

– Я должен тебя предупредить. Тебе стоит проявлять осторожность, когда задаешь вопросы о принцессе Чжэнь.

– Почему это?

– Она не всем... нравится, как принято считать. Многие винят ее в беспорядках, которые распространяются по всему королевству. Болезни, нищета, жестокости, совершенные представителями императора, и... другие слухи.

Я догадываюсь, на какие слухи он намекает, – мы даже в нашей сельской провинции слышали о них. Слухи о бездействии, несмотря на наводнения на севере. Или о том, что принцесса слишком молода, чтобы быть регентом. О том, кто же на самом деле стоит за тронном. Слова слишком опасны, чтобы произносить их в столице.

– Слухи? Ты имеешь в виду... яд?

Бо хмурит брови.

– Ты, как я погляжу, задаешь много вопросов.

– А ты избегаешь ответов.

– Так и есть. – Бо снова улыбается мне своей обезоруживающей улыбкой, серьезный момент проходит так же быстро, как и наступает. – Дом Азалии – как раз то, что мы ищем, и он находится через дорогу.

Погрузившись в свои мысли – о слухах, о принцессе и о желании, о котором я ее попрошу, – я чуть было не попала под проезжающий мимо экипаж. Бо быстро хватает меня за руку и отбрасывает нас обоих к стене здания. На мгновение мое тело прижимается к его, и, вместо того чтобы оттолкнуть парня, я ловлю себя на том, что неосознанно тянусь к его теплу. Бедро Бо на моем, его руки на моих...

– Осторожнее, всезнайка, – рядом с моим ухом произносит Бо, его дыхание шевелит мне волосы. Я снова вздрагиваю, на этот раз по другой причине.

Он слишком близко. Я отскакиваю, увеличивая расстояние между нами. Мысленно напоминаю себе о том, что скоро вернусь во дворец и мы больше никогда не увидимся.

В Доме Азалии один из владельцев магазина быстро уводит меня, он помогает мне с выбором, позволяя потрогать,

понюхать и попробовать различные сорта чая. От пола до потолка возвышаются банки, чайники и ящики с разными сортами чая. Компетентные торговцы подробно отвечают на все мои вопросы, а хозяйка, которая до этого наблюдала за витриной, быстро рассчитывает меня. Как только моя задача выполнена, а чай завернут, я хватаю его в руки и чувствую, как напряжение в плечах немного ослабевает.

Прежде чем я успеваю поблагодарить Бо и уйти во дворец, он берет меня за руку.

– Позволь купить тебе хотя бы одну чашку чая, – настаивает юноша. – В качестве извинения за то, что напугал тебя сегодня. А еще я хочу показать тебе, что жители Цзя куда приветливее, чем тебе могло показаться на первый взгляд.

Едва я успеваю возразить, Бо ведет меня к открытой части чайной, где посетители могут полакомиться деликатесами и попробовать чай, который представлен в магазине. В большинстве чайных шумно, и в них столько круглых столов, сколько владелец может вместить. Официанты вынуждены перемещаться по узким проходам, разнося на тяжелых подносах дымящиеся чайники с чаем и всю необходимую посуду. Но стоило мне только переступить порог Дома Азалии, как сразу стало ясно – эта чайная обслуживает совершенно других клиентов.

Пространство чайной разделено красивыми шелковыми ширмами и растениями в горшках. Над головой разносится музыка, но при этом создается своеобразная иллюзия

уединенности. Нас проводят к столику с видом на Нефритовую реку, где мимо проплывают прогулочные катера богачей и паромы простонародья.

На столе уже стоят тарелки с закусками – цукаты и копченые арбузные семечки. Только мы садимся за стол, как Бо уже кладет себе в рот по несколько штук каждой закуски. Мои глаза слишком поглощены увиденным, чтобы присоединиться к нему прямо сейчас, – я любуюсь искусно украшенной вазой из белого фарфора, на которой изображена женщина, играющая на лютне.

Служанка, наряженная в одеяние нежнейших оттенков пастельно-голубого с розовым поясом, ставит перед нами лакированный поднос с приспособлениями для приготовления чая. Бо выбирает «Золотой ключ» – этот чай очень редкий и настолько ценный, что выручка от его продажи могла бы прокормить мою семью в течение целого года. Меня снова охватывает смесь печали и гнева.

Служащий подсыпает горячие угли в жаровню справа от меня, а другая служанка ставит сверху уже дымящийся чайник.

– Будет ли вам угодно, чтобы умелая Мин обслуживала вас сегодня, наш почтенный гость? – Первая служанка делает реверанс, после чего ее глаза бегло скользят по мне. Губы служанки слегка поджимаются, но мне прекрасно известно, что это означает неодобрение, вероятно, вызванное моей неопрятной внешностью или чрезмерно скромным поведе-

нием. – Или вас будет обслуживать ваша собственная прислуга?

– Она не... – начинает Бо, но я тут же встаю и улыбаюсь служанке.

– С этого момента я все сделаю сама, – отвечаю я служанке. – Оставьте нас.

Служанка смотрит на меня, а затем переводит взгляд на «почтенного гостя», который сидит рядом со мной и только пожимает плечами. Служанка открывает рот, чтобы возразить, но тут подходит слуга и ставит перед нами чашу с «Золотым ключом».

Бо с любопытством смотрит на чашу, и я прикладываю усилия, чтобы жадно не схватить ее. На дне зеленой чаши, вырезанной в форме листа, лежат несколько тонких черных нитей. С помощью щипцов я перекладываю нити в следующую чашу для заваривания чая.

– Это то, чем ты будешь заниматься во время состязания? – интересуется Бо.

– Понятия не имею. – Я собираюсь участвовать в состязании без наставника, без многолетнего обучения за плечами. Моя рука начинает слегка дрожать, и я пытаюсь успокоиться.

– Я буду думать о тебе, когда они начнут объявлять участников, – говорит Бо с улыбкой на лице, и я снова чувствую трепет в животе. Я стараюсь не думать о возможной причине происходящего и отвлекаю себя, наливая чай. «Это всего лишь из-за того, что мне одиноко и я впервые путешествую

так далеко от дома».

Мы берем по чашке в руки и, запрокинув головы, делаем первый глоток... В это мгновение в мире происходят какие-то изменения. Пар поднимается из наших чашек, размывая лица. Звуки, окружавшие чайную, стихают, пока мы сидим друг напротив друга. Все вокруг нас колеблется, как во сне. Воздух заполняется ароматом камелии, словно мы вышли осенью на прогулку среди чайных деревьев и оказались в пучине белых цветов.

Я слышу шепот моей мамы. *«Если ты когда-нибудь поедешь в столицу, привези мне несколько нитей “Золотого ключа”. Я мечтаю попробовать его».*

Судя по изумлению на лице Бо, похоже, он тоже ее слышит.

Бо протягивает руку перед собой, будто что-то подталкивает парня извне. Я замечаю черную точку в центре его зрачков, которая привлекает мое внимание. Моя рука неосознанно поднимается, и я протягиваю свою руку ему.

Наши пальцы соприкасаются, меня охватывает ощущение, будто моя рука погрузилась в бассейн с теплой водой, жар тут же распространяется вверх по коже. Наши пальцы переплетаются, а соединенные руки начинают светиться странным светом.

– Мей... – затаив дыхание говорит Бо.

«*Это не я*», – протестует мой внутренний голос, но как мне объяснить появление того, что я призвала к жизни?

Центр моей груди начинает гореть, воспоминания вытягиваются из меня все быстрее и быстрее. Мама учит нас, как уверенно держать чайник и наливать чай. Шу, стоя на коленях, рвет кровью. В моем горле поднимается рыдание.

Я чувствую едва уловимое прикосновение силы чая, словно оно сближает нас. Бо вздрагивает, и я вдруг осознаю, что он тоже может чувствовать вину и горе, которые грызут меня изнутри, даже если он не видит на это никаких причин. Бо протягивает вторую руку и касается моей щеки, тепло его руки вызывает во мне новую волну дрожи.

Парень проводит большим пальцем по моей губе, – едва заметное движение, и я чувствую, как между нами пробегают искры. Это слишком интимная связь, я чувствую, как начинаю распадаться на части. Я отшатываюсь, и Бо позволяет своей руке упасть с моего лица, но делает он это лишь для того, чтобы обеими своими руками обхватить мои.

«Останься, – беззвучно умоляет юноша. – Позволь мне увидеть больше».

Он этого не знал, но, похоже уже слишком поздно. «Золотой ключ» – это чай секретов, и я знаю – хоть и не могу объяснить, как и почему, – сейчас Бо пытается открыть мне свои секреты точно так же, как я открыла ему свои. Я боюсь того, что могу обнаружить, но, несмотря на свой страх, не отстраняюсь. Тоска пронзает меня через нашу связь, желание остаться под действием чар слишком велико.

Когда мы с Бо в удивлении смотрим друг на друга, все

еще крепко сжимая руки, его рубашка начинает светиться. Вокруг нас проносится ветер. У меня перехватывает дыхание, когда рубашка Бо слегка распахивается, обнажая часть его груди, где я замечаю что-то вроде шрама... нет, круглый красный отпечаток размером почти с мою ладонь. В центре я разглядываю незнакомую мне фигуру, которая нарисована прямыми линиями традиционной письменности. Я ощущаю шипение раскаленного железа, как если бы оно коснулось моей груди; чувствую запах металла, обжигающего мою кожу, и меня охватывает видение, похожее на воспоминание, как я – нет, Бо борется с мужчинами, которые удерживают его. Люди, которые сделали это с ним.

Эта метка – клеймо.

Столько потерь. Столько всего было отобрано у него...

Я не понимаю, чего он лишился, но поток магии изменился. Он доходит до Бо, тянет за нити его внутреннего «я» и распутывает его, как это было со мной.

А потом Бо отталкивается от стола, и наша связь рвется, словно струна.

Внезапным толчком мир возвращается на круги своя, шум, издаваемый посетителями чайной, снова окружает нас, он слишком громкий для моих ушей. Табурет Бо с грохотом падает на пол. Я замечаю, что рубашка парня больше не распахнута. Интересно, случилось ли это с нами наяву или все это – плод моего воображения.

– Ты способна проникать в разум людей. – Дыхание

Бо становится прерывистым, а в глазах появляется новый блеск. — Чего ты хочешь от меня?

Я заставляю себя успокоиться, быть неподвижной, словно замерзшие листья зимой. Вокруг шеннон-ши ходят разные слухи, потому что их не так уж много и не все понимают, на что они способны. Есть люди, которые считают шеннон-ши колдунами и колдуньями и предпочитают обходить их стороной, охотнее прибегая к помощи врачей. Они называют наши способности суеверием, мистикой, а то и чем еще хуже. Я могла бы лишиться головы. Особенно, если этот парень и впрямь связан с влиятельной семьей.

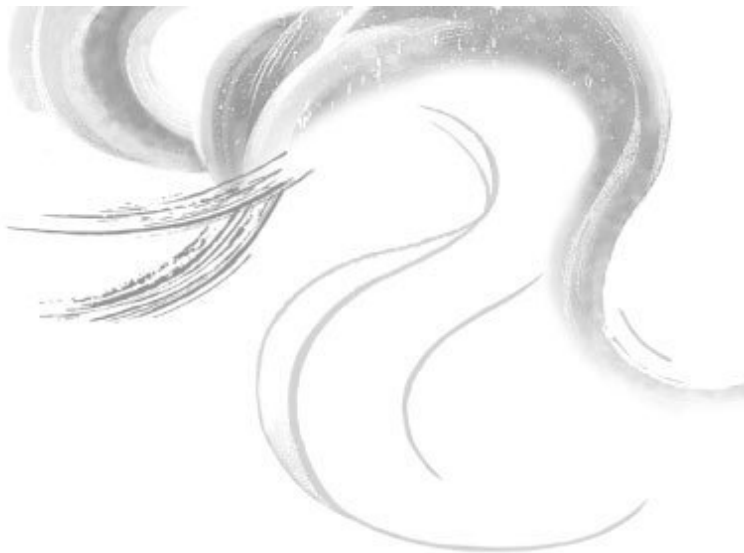
— Это ты был тем, кто подошел ко мне, — отвечаю я, прекрасно понимая, что каждое мое слово может стать последним. — Ты нашел меня. Ты завел со мной разговор. Ты искал меня, помнишь? Так кто ты, Бо? Кто ты такой на самом деле?

Бо смотрит мне за спину, куда-то вдаль, он смотрит куда угодно, только не мне в глаза. Я уставилась на его горло в ожидании объяснений.

— Похоже, наша сделка прошла успешно, — говорит Бо. — Благодарю за компанию.

В мгновение ока парень уходит, и я снова остаюсь одна.

Глава 7

Я возвращаюсь во дворец, наполненная решимостью оставить прошедший день позади, словно это был сон. Лиан приветствует меня в нашей резиденции, сжимая мои руки и извиняясь за то, что потеряла меня на рынке. Я открываю было рот с намерением рассказать ей обо всем, что со мной произошло, но тут же закрываю его, когда в комнату входят слуги, чтобы забрать наши ингредиенты, которые мы добыли для подготовки к сегодняшнему состязанию. У меня пока

нет слов, чтобы в точности описать произошедшее. С чего мне вообще начать?

Вечер окрашивает все в темно-фиолетовые оттенки, когда мы разделяемся на две шеренги и маршируем ко двору Светлого будущего по длинным коридорам, которые освещают факелы. По мере приближения до наших ушей доносится шум, исходящий от толпы зрителей.

Солдаты закрывают обзор за воротами. Свет факелов отражается от их красных доспехов и щитов, отбрасывая зловещие тени на стены. Когда они отходят в сторону, чтобы пропустить нас вперед, мы плечом к плечу идем по узкой дороге. Мы продолжаем двигаться вдоль линии солдат до тех пор, пока не доходим до лестницы, которая ведет наверх.

Когда мы добираемся до первого помоста, нас направляют, чтобы мы смогли разделиться – одна очередь направо, другая налево. Мы заполняем пространство между рядами черных столов, у каждого из которых предусмотрены подушки, на которых мы должны будем стоять на коленях. В центре каждого стола стоит деревянная коробка, на крышке которой написано имя участника состязания.

Именно в этот момент я бросаю взгляд на толпу, и внезапно в моем животе оживает рыбка кои, которая шевелится и переворачивается в знак протеста. Меня шокирует количество собравшихся передо мной зрителей. Это всего лишь расплывчатые лица, которые освещены фонарями, что свисают над их головами. И все же людей здесь в несколько раз

больше, чем все население моей деревни. По периметру на страже стоят солдаты в красном, их лица скрыты под шлемами.

Сцена, что установлена перед нами, завершается лестницей, которая ведет к помосту с пустыми столами, ожидающими судей. За сценой расположен большой зал, великолепное творение архитектуры Дакси, который был построен во времена правления Провозглашенного Императора. Раздается звон колокола, и толпа замолкает, следуя сигналу. Глашатай, одетый в ослепительные пурпурные одежды, появляется наверху ступеней, чтобы сделать объявление.

— Приглашаем всех вас присоединиться к празднованию в честь вдовствующей императрицы Уян, пусть ее имя отзовется на небесах. Принцесса надеется, что всем понравилась трапеза, которую вы разделили сегодня. — Он делает паузу. — Император приносит свои извинения за то, что не сможет присутствовать здесь с нами сегодня. Он будет с нетерпением ждать результатов в своих покоях и лично благословит победителя, когда придет время.

Толпа топает и кричит, требуя встречи с императором и объяснений, почему он не появляется. Герольд поднимает руку в знак того, чтобы толпа прекратила шум и он мог продолжить.

— Наши участники и уважаемые судьи! Министр Обрядов Сон Лин. Маркиз Куан из провинции Анхэ, родины нашего самого ценного чая. Старейшина Го из почетной Академии

Ханься и... Великий канцлер Чжоу.

По мере представления судей они спускаются по ступеням с балкона Большого зала и направляются на верхний помост. Мой взгляд останавливается на внушительной фигуре канцлера, его волосы собраны в тугий пучок, сам он одет в парадную одежду темного цвета, лишенную какой-либо вышивки. Канцлер известен всем своим простым происхождением. Он человек, который самостоятельно поднялся по служебной лестнице благодаря своему проницательному уму и высоким оценкам на императорских экзаменах. Канцлер окидывает толпу зорким взглядом, выражение его лица не выдает ни единой эмоции.

– Наконец, давайте поприветствуем ее Императорское Высочество, Принцессу Ли Инь-Чжэнь! – Принцесса появляется на балконе под аплодисменты, но помимо оваций в толпе можно различить несколько рассеянных смешков и шиканье. В памяти всплывают слова Бо о том, что она нравится далеко не всем и возмущения среди людей растут.

Принцесса медленно спускается. Ее платье со шлейфом, который скользит за ней по лестнице, выглядит еще удивительнее того, что было на ней на нашей приветственной церемонии. С ее плеч слетают сотни вышитых журавлей, которые пролетают над полуночным небом, постепенно светлеющим с насыщенного синего до бледно-голубого. Волосы принцессы собраны на макушке и украшены драгоценными шпильками в форме птиц, которые сверкают на свету. Она

занимает свое место в центре стола, другие судьи составляют принцессе компанию, присоединяясь к ней с обеих сторон.

Министр Сон встает, и его голос разносится над толпой.

– Чего наши конкурсанты не знали до этого момента, так это то, что судьи уже успели рассмотреть выбранные ими ингредиенты. Они сочли лишь половину участников достойными участия в первом этапе.

Пораженные неожиданной новостью, мы в замешательстве переглядываемся между собой.

– Вы поднимете крышку со своей коробки, – продолжает министр. – Если вы увидите блюдо и чай, то продолжите участие в состязании. В случае если ваша коробка окажется пустой, вы должны будете немедленно удалиться.

Повсюду раздаются вздохи и бормотания – как со сцены, так и из толпы, – и я замираю. Вот оно. Я уйду еще до того, как успею заварить хотя бы одну чашку чая.

Я протягиваю трясущиеся руки. Люди вокруг меня вскрикивают от радости или отчаяния. Некоторые участники помладше плачут, пока солдаты помогают им спускаться по ступенькам. Я закрываю глаза, испугавшись пустоты, которую могу обнаружить внутри коробки. Глубоко вздохнув, я поднимаю крышку и смотрю вниз.

В моей коробке есть блюдо.

На глаза наворачиваются слезы, когда я беру два рисовых пельменя, которые блестят на аккуратно вырезанном треугольнике бананового листа, сверху они посыпаны дробле-

ным арахисом. Пельмени меньше привычных по размеру, чтобы их можно было бросить в рот и съесть за один присест. Несмотря на все давление этого момента, я могу думать только о том, что бы сказали деревенские тетушки. Какая пустая трата времени – готовить что-то настолько крошечное!

Я оглядываюсь и понимаю, что из пятидесяти конкурсантов остались двадцать с небольшим. Путь к победе по-прежнему долгий, но я уже сделала первый шаг.

Я ловлю взгляд Лиан. Она тоже прошла. Чего нельзя сказать о многих девушках, которые поселились с нами в одной резиденции; я замечаю, как они одна за другой уныло покидают сцену.

Слуги в красных одеждах начинают приготовления к следующему этапу состязания на судейском помосте. Небольшую жаровню, наполненную раскаленными углями, устанавливают слева от подготовленного стола, сверху ставится горшок для кипячения воды. И, наконец, ряд чашек, их ровно пять – по одной на каждого дегустатора. Мне трудно определить на глаз, из какого материала сделана посуда, даже когда я прищуриваюсь. Ничего, узнаю, едва придет моя очередь.

Как и в боевых искусствах, каждая система верований шеннон-ши следует своему стилю, который позволяет заварить лучшую чашку чая. Но исход зависит от практикующего и от правил состязания. По слухам, в предыдущих состязаниях, для того чтобы определить, может ли ученик стать достойным звания шеннон-ши, на одном из этапов необ-

ходимо было определить чайные листья без маркировки – ученики должны были различать чай только по его запаху. На другом этапе всем шеннон-ши завязали глазами перед тем, как они начали готовить чай, это делалось с целью проверить твердость их рук. Все испытания проводились тайно, а знания передавались от учителя к ученику. Сейчас же мы выставлены на всеобщее обозрение.

Первым идет молодой шеннон-ту по имени Чэн Шао, я узнаю в нем того, кто оскорбил нас с Лиан, когда мы ждали у ворот. С надменной уверенностью человека, который пользовался своим положением всю жизнь, парень ловко отбрасывает полы одежды, прежде чем встать на колени. Когда вам с самого момента вашего появления из утробы внушают, что вы можете сделать все, что угодно, к чему вам вообще волноваться? Если бы вам всегда говорили, что мир должен преклоняться перед вами, вы бы сочли совершенно естественным, что вам суждено будет достичь чего-то великого.

Настроение у толпы выжидательное, все следят за каждым его движением.

– Какое блюдо ты приготовил для нас сегодня? – спрашивает Старейшина Го.

Шао учтиво кланяется, прежде чем ответить.

– Я родом из западного округа Цзя, который славится своим искусством, культурой и знаменитыми чайными. Мое сегодняшнее блюдо для вас – димсамы с хрустальными кревет-

ками и зеленым луком.

Он поднимает угощение палочками – розовая креветка с зелеными крапинками в тонком прозрачном рисовом тесте. Шао кусает ее, жует и пробует на вкус перед тем, как продолжить.

Несмотря на то что он кажется невероятно высокомерным, я должна признать, что наблюдать за тем, как он готовит чашку чая, поистине волшебное зрелище. Вода слегка закипает, и Шао использует ее для того, чтобы ополоснуть все свои сосуды. По традиции, у каждого этапа подачи чая есть свое собственное название, которое связано со старинной историей одного из древних богов. Историю, которую рассказала мне мама еще в тот день, когда я научилась держать чашку чая в руках.

Когда вода стекает по стенкам чайников, она образует капельки, которые мерцают, словно серебряные чешуйки. *«Дракон стряхивает утреннюю росу после пробуждения».*

Он осторожно зачерпывает необходимое количество чайных листьев в первый чайник, затем вертит воду внутри, каждое его движение преувеличено для того, чтобы зрители могли наблюдать за процессом. *«Дракон окружает свою королевскую резиденцию».*

Быстрым движением запястья он трижды взбалтывает воду, а затем выливает ее с большой высоты на поднос, чем вызывает у людей восторг. Вода стекает в чашу, которая установлена внизу, при этом ни единой капли не проливается ми-

мо. *«Закрутившиеся волны передают его неодобрение».*

Шао снова наполняет первый чайник горячей водой, на этот раз оставляя чаю время, чтобы достаточно настояться.

Склонив голову, парень ждет, и тут входят слуги, преподнося каждому из судей блюдо с хрустальными креветками.

Когда время истекает, он ополаскивает второй чайник, и, пока из него идет пар, парень наполняет его заваренным чаем. Затем чай осторожно разливают по чашкам, не проливая при этом ни капли. *«Дракон входит во дворец, отбрасывая захватчика в сторону».*

Я восхищаюсь точностью его движений и тем, как золотой чай повинуетсЯ ему.

– Смотрите, смотрите! – Те, кто стоит ближе к сцене, толкаются и кричат, наблюдая за выступлением. Пар из всех пяти чашек объединяется, образуя слабый волнистый контур дракона, но тут же рассеивается, тем самым демонстрируя компетентность Шао в магии иллюзий.

Слуги быстро выходят вперед, чтобы передать по одной маленькой чашке каждому из судей.

Результат единогласный. Каждый судья бросает деревянный жетон вниз, чтобы слуга поднял и повесил на крючок на всеобщее обозрение. На четырех фиолетовых жетонах красуется оценка «Превосходно».

– Я и не ожидала меньшего от того, кто обучался у почтенного Цяня. – Принцесса одобрительно улыбается, а я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Разумеется, дар

Шао – это наследие. Он уже их фаворит, все ждут от него победы, ведь он идет по стопам своего известного наставника. – Скажи мне, правда ли то, что тебе приходилось проходить испытания, одно изнурительнее другого, чтобы занять место его ученика?

– Надеюсь, принцесса не попросит меня раскрыть секреты моего учителя, – в голосе Шао проскальзывает намек на флирт. Зрители хихикают, затем раздаются бурные аплодисменты, аудитория одновременно шокирована и заинтригована этим надменным и красивым молодым человеком.

Состязание продолжается, и я настолько ослеплена разнообразием чаев и техник, что почти позабыла о своей тошноте.

Освежающий вкус белого чая в сопровождении сладости из провинции Юнь оставляет послевкусие высокогорных ручьев, которое сменяется нотками нежнейших листьев перечной мяты. Подобное сочетание способно убедить капли дождя снизойти с самих небес.

Жареный черный чай с насыщенным и землистым вкусом, который оттеняет остроту бульона – любимого лакомства жителей префектуры Хуа – района, который расположен к западу от Цзя.

Трудноусвояемые жареные пельмени таро прекрасно сочетаются с зеленым чаем с легким цветочным ароматом. Это традиционные угощения южного города, который прозвали «Город Жасмина».

Всем участникам отводится свой черед выступать. Каждый раз, когда объявляется очередной регион, присутствующие в зале люди, что родом оттуда, начинают громко аплодировать. И в этот момент мне открывается вся хитрость этого состязания. В случае если принцесса действительно намерена поднять дух своего народа, как и намекал Бо, она, безусловно, преуспела в этом – ослепляя людей и предоставляя им гарантию того, что каждый уголок Дакси будет увиден и отмечен. Публика полностью вовлечена в происходящее, у них искренняя реакция. Люди освистывают тех, кто им не нравится, и подбадривают своих фаворитов.

Когда вызывают Лиан, я ободряюще ей улыбаюсь, но взгляд девушки уже прикован к столу и посуде. Она растеряла бодрость духа. Лиан подходит к столу и, опустив голову, начинает свой ритуал.

Руки девушки так сильно трясутся, что тарелка, которую она поднимает с подноса, соскальзывает и с грохотом ударяется о чайники. Я вздрагиваю.

– Неуклюжая! – безликий незнакомец насмехается над Лиан из толпы.

Девушка тут же вскакивает на ноги и кланяется.

– Прошу прощения, прошу прощения, Ваше Превосходительство.

– Я всего лишь министр и не достоин подобного звания, – сухо, но совсем не злобно отвечает министр Сон. Своим ответом он вызывает волну смешков среди зрителей. – Как те-

бя зовут, дитя?

— Лиан, — отвечает она, — я родом с плато Калла. — Моя новая знакомая представляется в привычной ее народу манере, опуская фамилию; лицо маркиза подергивается в ответ.

— Нет нужды в спешке, — министр Сон слегка жестикулирует, — пожалуйста, начни снова.

Как и большинство других участников состязания, Лиан готовит чай молча. Во время ее приготовления слышны лишь звяканье чайника, который она поставила на дерево, и легкий стук посуды друг о друга, но на этот раз он едва уловимый.

Судьи забирают палочками аккуратные белые булочки и осторожно откусывают по кусочку от них.

— С каким блюдом ты выступаешь? — интересуется самый старший судья. — Я еще не пробовал ничего подобного.

— Это рисовые лепешки, — отвечает Лиан, — посыпанные коричневым сахаром и арахисом.

— Вышло... на любителя. — Старейшина Го кладет половину своей порции обратно на тарелку, так и не съев ее.

Техника приготовления Лиан выделяется своей уникальностью даже среди многочисленных участников из других провинций. Она останавливает свой выбор на чае в форме брикета, который обычно считается чаем низшего качества: он представляет собой смесь кусочков стеблей и забракованных листьев. Отрезав кусочек прессованного чая, Лиан кладет его в чайник. Она добавляет в чашу смесь ингредиентов,

которые я не могу точно разобрать со своего места.

Принцесса наклоняется вперед, ее глаза сияют при свете фонаря, когда она пристально наблюдает за каждым движением Лиан. Когда слуги подходят с чашками к судьям, в воздухе витает аромат корицы.

– Расскажи нам о каждом ингредиенте, – министр Сон поднимает чашку и вдыхает пар.

– Чай, который символизирует горечь жизни, – тихо отвечает Лиан, но, откашлявшись, продолжает уже чуть громче. – Кубики красного сахара и грецкие орехи для сладости. Благодаря этому внутри каждого из нас рождается искра. Перец и имбирь, чтобы пробудить огонь внутри.

Когда судьи опустошают миски, я невольно обращаю внимание на их лица. Старейшина Го, несомненно, та еще блюстительница традиций – едва прикасается губами к чашке, прежде чем поставить ее обратно. Министр Сон выглядит чуть более восприимчивым, тщательно смакуя каждый глоток. Маркиз морщит нос от отвращения, торопливо отхлебывает из чашки, будто ему не терпится перейти к следующему участнику. Невозмутимые черты лица канцлера ни о чем мне не говорят. Принцесса выглядит задумчивой, когда рассматривает остатки чая в своей чашке.

Я сжимаю кулак на коленях, мысленно желая возразить их отказу, сообщить им о том, что помимо пышных церемоний существуют и другие способы представить умения шеннон-ши. Но даже мне понятно, что я должна опустить голо-

ву и молчать. Вместо этого я задерживаю дыхание, ожидая, когда судьи вынесут вердикт Лиан.

Два красных жетона означают «Нет», министр Сон отдает Лиан фиолетовый жетон, который присваивается в случае положительного решения. Удивительно, но канцлер тоже отдает в пользу Лиан фиолетовый жетон, попутно кивая в ее сторону.

– Вкус не такой уж и неприятный, – комментирует он. – Мне понравилось тонкое, едва уловимое использование магии для оживления разума.

Очередь доходит и до принцессы. Она осушает то, что осталось в ее чашке, и улыбается.

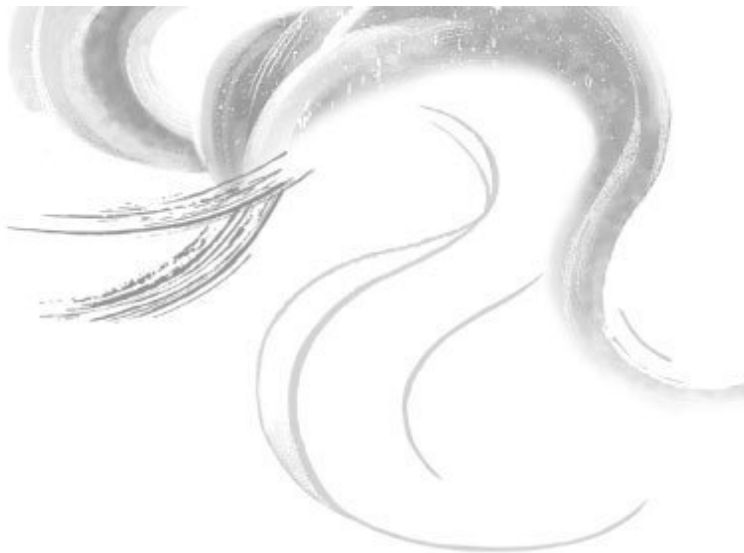
– Послевкусие остается на нёбе, отличный переход, – заключает принцесса, деликатно промокая рот носовым платком. Она достает фиолетовый жетон. – Ты тоже удержишься на состязании.

– Благодарю! – Лиан низко кланяется, ее лицо озаряется радостью. Публика, очарованная искренностью девушки, аплодирует ей.

Я тоже присоединяюсь к аплодисментам, пока не понимаю, что настала моя очередь.

Глава 8

Вы не можете общаться с богами в тишине.

Это то, чему всегда учила нас наша мама: искусство шен-нон – это в первую очередь диалог. Для мамы это не медитация или тишина, не традиция или неизменная данность. Это танец между людьми, своего рода общение тела и того, что находится за его пределами. Чтобы понять недуги больного или потребности близкого человека, вы должны быть рядом с ним.

Чтобы отдать дань уважения Шеннон, нужно иметь близость и крепкую связь.

Я понимаю, что мама никогда не работала на публике перед толпой пассивных зрителей. Она не *выступала*.

Меня трясет, когда я иду к судейским столам. Не только потому, что я безумно нервничаю, но и потому, что чувствую себя деревом, лишенным листьев, обнаженным и незащищенным и которое вот-вот представит что-то столь личное перед огромным количеством людей. Я вспоминаю тот момент в чайной, когда я испытала связь с Бо. Я сделала это один раз, и я сделаю это снова. Мама всегда говорила мне, что у меня есть дар. Сырой и неотточенный, но принять его либо же отвергнуть – сугубо мое решение. Он так просто меня не покинет.

Я все еще дочь своей мамы.

Я прочищаю горло, чтобы повесить голос, дабы все смогли меня услышать.

– Я из Су, Ваше Высочество, – я обращаюсь прямо к принцессе – лишь едва уловимый изгиб ее брови указывает на удивление. Моя сестра точно бы поняла, что я говорю не-попад, только чтобы не дрожать всем телом, но я слишком поздно соображаю, что, возможно, действую чересчур прямолинейно, ведь мне не знакомы все тонкости этикета. Мне остается только продолжать, несмотря на допущенную ошибку. – Известный поэт Бай однажды написал стихотворение о моей провинции.

Среди людей в толпе раздается тихий ропот, но я не обращаю на них никакого внимания и начинаю с того, что снимаю крышки с банок и ставлю их на черный поднос.

– Фигуры трудятся на дальних холмах. – Я вытаскиваю из банки скрученные шарики чайных листьев и опускаю их один за другим на дно чашки. Я вызываю в воображении образ себя и Шу, как мы кубарем скатываемся с холмов мимо чайных деревьев у дома. Мы с сестрой смеемся, даже когда наши корзины с собранными листьями падают вместе с нами и весь с трудом собранный чай оказывается на наших волосах и одежде. Чай для меня – это дом, радость и семья.

– Туман размывает их вдалеке. – Вода льется на чай, пар поднимается вверх и обжигает мои щеки, когда я наклоняюсь над ним. На мгновение ощущаю слезы, которым я позволяю пролиться только в уединении ночи. Боковым зрением я замечаю, что лицо принцессы смягчается. Я чувствую ее печальное воспоминание, которое вызвано силой чая.

– Пока я отдыхаю, подают чай. – Я взбалтываю чай и наливаю его в чайник, чтобы дать ему отстояться, жидкость исчезает, когда я представляю поэта, который полулежа наблюдает за моей родиной через окно.

– Мои пальцы перепачканы в чернилах. – Вместо того чтобы воспользоваться щипцами, я отбираю прямо пальцами по три лепестка османтуса и опускаю их в каждую чашку. Ладонь Старейшины Го слегка раскрывается, словно она ловит цветы, вспоминая, как и она тоже когда-то, будучи малень-

кой девочкой, танцевала среди лепестков.

– Нет ничего блаженнее ароматного запаха зелени.

«Это просто-напросто человеческие руки», – еще одно излюбленное изречение моей мамы. Она говорила так всякий раз, когда кто-то указывал на одну из множества моих ошибок, например на пожар, который когда-то уничтожил наши поля, или на то, когда я перешла путь губернатору Вану, тем самым вызвав его гнев и еще больше усугубив ситуацию. «Руки человека совершают ошибки, Нин, но эти руки были дарованы нам богами. Мы пользуемся ими, чтобы загладить вину и совершать хорошие поступки».

Вот о чем этот напиток. Его вкус – то, как быть человеком. Вкус того, как совершать ошибки. Вкус того, как снова чувствовать себя молодым. Это напоминание о том, что порой мы – трудяги, но иногда мы можем и отдохнуть.

Завершающий этап – разливаю напиток. Чай, который я выбрала, почти не подвергался солнечной обработке, поэтому большая часть аромата сохранилась в листьях. Остается и крошечный намек на присутствие зелени, которая ласкает края лепестков цветка. Все это напоминает мне о росте, который стремится к свету...

– Да как она посмела?!

Я не успеваю налюбоваться своей работой, поскольку резкая боль пронзает мне руку, когда самая ближняя ко мне чашка разбивается. Я слишком шокирована, чтобы как-то отреагировать. До меня доносятся удивленные возгласы, ко-

гда маркиз Куан встает, обвиняюще указывая пальцем в мою сторону.

Пар рассеивается, и воспоминания, которые я так бережно взращивала, рассыпаются в прах. Канцлер Чжоу моргает, явно смутившись и нахмутив брови, словно он очнулся после приятного сновидения. Изумление на лице Старейшины Го снова сглаживается, превращаясь в маску.

– Ты что же, высмеиваешь это состязание? – рычит маркиз, брызжа слюной. – Она смеет цитировать революционера Бая? Она считает, что мы потакаем неверным, баловни судьбы?!

Мои внутренности дрожат от страха, я смотрю себе под ноги, не желая, чтобы лицо с прежней легкостью выдавало все эмоции. И в особенности мои не слишком уж уважительные мысли о дворянах с этими их нежными сердцами и тонкой, словно бумага, кожей.

– Достопочтенный, – осторожно отвечаю я. – Слова поэта Бая лишь намекают на то, что чай – напиток не только поэтов, но и простых крестьян. Им могут наслаждаться самые низкие слои населения, такие как фермеры, а также высшие чины двора, как и подобает вашему высокому статусу.

Я сглатываю. Это стихотворение всегда казалось мне особенным. У меня и в мыслях не было, что оно было написано революционером. Но сейчас в памяти всплывает история о том, как обезглавили поэта Бая, и я осознаю, что, похоже, допустила серьезную ошибку.

— Эта... эта чашка демонстрирует мою... мою радость, которую я испытываю от того, что присутствую здесь сегодня, — я заикаюсь. Все, что я слышу — это голос моего отца, который наказывает меня, сетуя на то, что я совершила очередную глупость.

В толпе справа от меня раздается гул — смесь голосов, которые звучат одновременно.

— Оставьте ее в покое! — выкрикивает кто-то.

К нему присоединяется еще один голос:

— Она говорит правду!

Напряжение в воздухе возрастает, словно кастрюля с кипящей водой, которая вот-вот выльется.

— Мой дорогой маркиз, — говорит великий канцлер, когда он обходит стол и кладет руку на плечо дворянина. Он выглядит спокойным, даже удивленным. Хотя канцлер и наклоняется, будто подчеркивая, что его слова предназначены только для узкого круга лиц, голос его звучит достаточно громко, чтобы его смогли услышать все собравшиеся. — Разве вы не понимаете? Мы должны похвалить вдовствующую императрицу, ибо мы можем заявить всему миру, что даже наши крестьяне могут свободно цитировать стихи!

По залу прокатывается смех, волнение немного утихает. Все взоры прикованы к маркизу и канцлеру. Маркиз все еще пребывает в ярости, но канцлер улыбается, явно намереваясь вернуть соревнованию былое праздничное настроение. Но со своего места мне отчетливо видно то, с какой силой

его рука сжимает плечо маркиза. Красноречивое предупреждение, чтобы тот не продолжал развивать тему.

Я рада, что, кажется, канцлер Чжоу на моей стороне – возможно, мне удастся выбраться из этой переделки невредимой.

Но не успела я выдохнуть, как внезапный свист пронзает тьму, а на смену ему раздается глухой удар.

Из центра судейского стола торчит, покачиваясь, стрела. Я отшатываюсь назад, воздух наполняется вздохами и криками, затем раздается грохот от ударов ботинок по земле. Резкое движение справа от меня, и прикосновение ткани к моей руке. В воздухе развивается фиолетовый плащ, а вдали телохранительница принцессы перепрыгивает через головы. Если человек, который выпустил стрелу, все еще в толпе, то она его найдет.

В мгновение ока солдаты заполняют все пространство вокруг меня, со всех сторон слышится грохот металла, а пот заливает мне глаза.

– Защитите принцессу! – кричит кто-то.

Я вспоминаю слова Бо: *«пережила сотню покушений...»*

Над моей головой пролетает темная тень, которая одним прыжком выпрыгивает из толпы на помост. За этим следует вспышка лезвия.

Я ныряю в укрытие и улавливаю взглядом бледное лицо принцессы в тот момент, когда она замечает новую угрозу. Но фигура, которая прыгнула к ней, поворачивается ли-

цом на свист еще нескольких стрел и, подобно гибкой змее, скользящей по спирали в водовороте, защищает ее от острых наконечников оружия.

Кем бы ни была фигура, это не нападающий. Этот человек спасает ее от неизвестной угрозы.

Его клинок мечется, как серебряная рыбка посреди быстро бегущего потока, и стрелы падают на землю, не причиняя никому вреда.

Вокруг нас возникает еще больше хаоса, когда зрители начинают приходить в себя. Одни аплодируют отважному спасителю принцессы, другие пытаются сбежать как можно скорее.

Незадолго до того, как охранники оттаскивают загадочного спасителя в сторону и сталкивают его с платформы, его капюшон спадает, и свет, исходящий от покачивающегося фонаря, падает на его лицо.

Мое сердце замирает.

Это Бо.

Ветер за ним треплет платье принцессы, когда она мчится вверх по лестнице в сопровождении своих охранников; вышитые журавли порхают в воздухе, словно они летают, ярко сверкая на свету.

Канцлер покачивается, по его плечу стекает кровь. Он что-то кричит в суматохе, но я вижу только то, как шевелится его рот.

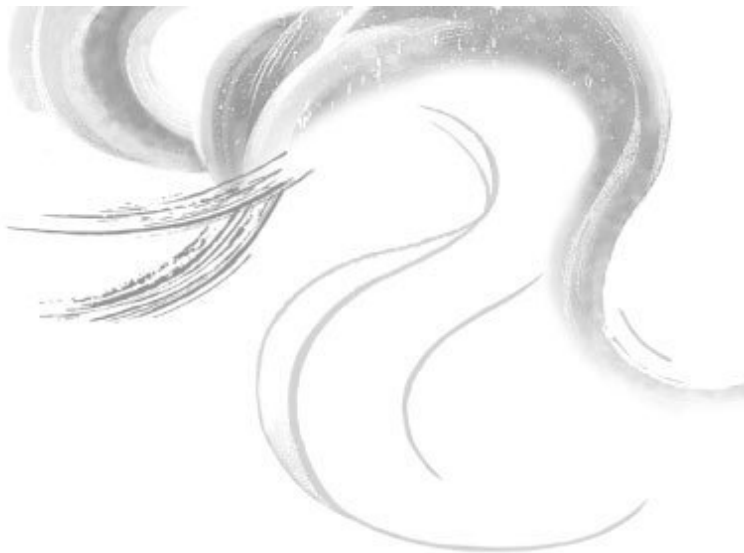
Кто-то отталкивает меня в сторону. Я стараюсь оставаться

маленькой и незаметной, держась в стороне. Поблизости нет безопасного места. Когда я цепляюсь за стол, то замечаю, что две мои чашки перевернуты, а их содержимое растеклось по деревянной столешнице.

Чашки, прямо как и мои надежды на это состязание, разбились.

Глава 9

Я не знаю, как вернулась обратно в резиденцию. Я помню фигуры, которые отбрасывали тени на стены двора, размытые тела и лица солдат, образующих стену вокруг меня и остальных участников состязания. И тут я наткнулась на наши ворота.

Лиан зовет меня по имени, ее губы сжаты, во взгляде – волнение.

– У тебя идет кровь, – встревоженно сообщает мне она.

Я замечаю порез на руке, из которого течет тонкая струйка крови, но я ничего не чувствую.

– Как думаешь, я... я провалилась? – спрашиваю я.

– Не думай об этом сейчас, – Лиан старается звучать успокаивающе, – узнаешь утром.

Мне казалось, что заснуть будет невозможно, но я просыпаюсь от утреннего солнца, свет которого льется сквозь открытые ставни. Прислуга ставит таз с водой перед туалетным столиком.

– Вас ожидают, – с реверансом сообщает мне служанка, прежде чем оставить меня приводить себя в порядок. Я бросаю тоскливый взгляд на завтрак, который накрыт в главной комнате. Кастрюля бурлящего рисового отвара, маленькие тарелки с маринованными огурцами и перцем чили и курица в кунжутном масле. Желудок протестующе урчит, но голод как рукой сняло при виде солдат, которых я замечаю через открытые парадные двери нашей резиденции.

Нас сопровождают на встречу с другими участниками, в воздухе витает мрачное настроение, которое резко контрастирует с праздничной атмосферой вчерашнего вечера. Пока

мы быстро идем по длинным коридорам, я мельком оглядываю внушительные доспехи охранников. В тусклом свете вечера детали было не разглядеть, но сейчас, днем, мне удастся рассмотреть обмундирование, а также изображение, которое вырезано на щитах. Тигр – символ военного министерства.

Я с тревогой вспоминаю кошмары, которые потревожили мой сон прошлой ночью. Меня окружила группа насмехающихся солдат, их сдерживала лишь длинная палка, которую я держала в руке. Когда они приблизились, я размахнулась со всей силы и попала прямо в цель, но с ужасом осознала, что под шлемами была пустота. Солдаты оказались обезглавлены.

Я натыкаюсь на Лиан, не осознавая того, что мы остановились у павильона. Лиан поддерживает меня и бросает обеспокоенный взгляд. Я выдавливаю из себя улыбку в ответ, поднимаю перевязанную руку и шепчу слова благодарности за ее помощь прошлой ночью. Лиан кивает.

Я собираюсь с силами и оглядываюсь, замечая очередной ухоженный сад, который состоит из миниатюрных деревьев и каменных скульптур. Нам не приходится долго ждать, прежде чем слуга объявляет о появлении министра Сона, который подходит к нам в изысканных белых одеждах. Мы становимся на колени, щебень дорожки впивается в кожу. Сцепив руки за спиной, министр с суровым выражением лица обращается к нам:

– Мне хорошо известно, что о событиях прошлого вече-

ра ходит много слухов, но состязание должно продолжаться. Нас не запугают те, кто верит, что великий император струсит из-за их попыток разрушить мир. – Ноздри министра раздуваются, когда он толкает свою речь, будто он не в силах даже допустить подобную мысль. – Министерство юстиции расследует личности убийц, посмевших напасть на принцессу, и ради ее безопасности состязание возобновится через несколько дней. До тех пор все участники останутся во дворце. Я надеюсь на ваше сотрудничество с нами.

Может, это игра света, но могу поклясться, что на мгновение глаза министра встречаются с моими и в них читается неодобрение.

– Тем немногим из вас, кто еще не успел выступить, принцесса милосердно разрешает пройти в следующий этап состязания в связи с возникшими непредвиденными обстоятельствами. Не упустите эту возможность. – Среди нескольких участников раздается ворчание, но под пристальным взглядом министра все они тут же замолкают.

Мы склоняем головы и бормочем о нашей признательности, все семнадцать голосов слились в один. После того как мы поднимаемся, я плетусь рядом с другими шеннон-ту, размышляя о том, как же мне повезло, что я могу перейти в следующий этап, несмотря на мою ошибку, но тут один из охранников ловит меня за руку.

– Требуется ваше присутствие. – У охранника низкий голос, но все же он привлекает внимание нескольких участни-

ков, которые тут же убегают, будто охранник начнет хватать и их, если они будут слишком долго топтаться рядом. Я презираю выражение, которое появилось на их лицах, — смесь жалости и отвращения.

Охранник крепко держит меня за локоть, пока ведет обратно в павильон. Мой пустой желудок сжимается от беспокойства, когда я осознаю, что великий канцлер заменил министра Сона в павильоне. Меня толкают вверх по каменным ступеням, чтобы я предстала перед ним, при том что я понятия не имею, что сказать или куда деть руки.

Канцлер Чжоу смотрит на воду за ограждением, я слежу за его взглядом. Кувшинки еще не расцвели, но их листья покачиваются на поверхности воды. Скопления пурпурно-красного и ярко-зеленого — признак того, что природа продолжает пробуждаться.

Я выпрямляюсь, чтобы соответствовать его позе. Если меня отстранят от состязания, то по крайней мере я смогу достойно уйти отсюда.

— Чжан Нин, — голос канцлера твердый, словно гранит. — Ты осознаешь, что твои вчерашние... слова имеют последствия?

Обрывки воспоминаний пролетают в моей голове подобно стрелам, выпущенным вчера вечером. Истинное значение слов поэта. Разбитая чашка.

— Я не знала, — шепчу я. Сожаление распространяется по всему телу, и все, чего мне хочется, это обратиться в пе-

пел. Если бы у меня только хватило смелости взглянуть на него с вызовом и назвать себя революционеркой. Но я не кто иная, как трусиха. – Я не хотела никому причинить вреда.

Канцлер вздыхает и потирает подбородок большим пальцем.

– Не стану лгать, дитя. Твой путь в этом состязании будет непростым. Ты заработала враждебность маркиза Куана. Будь его воля, тебя бы уже не было среди участников.

Моя надежда тонет; она такая же тяжелая, как камень. Меня отправят обратно в Су – уж в этом я уверена.

– Тебе повезло, что принцесса высказала свою заинтересованность в том, чтобы увидеть больше твоих способностей. – Он поворачивается ко мне лицом и окидывает пристальным взглядом. – Я тоже вижу в тебе потенциал.

Я опускаюсь на колени, мои ноги подгибаются от страха и облегчения.

– Вы слишком добры по отношению к такой недостойной, как я, – бормочу я.

– Прошу, встань. – Канцлер берет меня за руку и помогает мне подняться, но его следующие слова посылают волну холода по моему позвоночнику. – Я бы не стал называть это добротой. Ты будешь находиться под пристальным вниманием. Еще один неверный шаг, и тебя бросят в темницу.

Я заставляю себя посмотреть на него. Его аккуратно подстриженная борода и скулы напоминают мне о дедушке – у обоих есть задатки командиров. Я встречаю его присталь-

ный взгляд, в котором не чувствуется злоба, лишь предупреждение.

– В случае если мы обнаружим связь между тобой и убийцами, ты и все те, кто тебе дорог, будете сосланы в Лучжоу. Ты и твоя семья умрете там вместе с любыми другими сообщниками, которые в достаточной степени глупы, чтобы противостоять императору.

– Я понимаю, – мне удастся выдать из себя ответ. Лучжоу – это полуостров и группа островов на востоке. Место также известно как «Изумрудные острова», они считаются самым опасным регионом в империи, самых безжалостных преступников ссылают туда служить королевству. Эти земли буквально созданы для непосильной работы на прибрежных болотах или в каменоломнях. Жить там – значит ждать своей медленной гибели.

Канцлер Чжоу вздыхает и машет рукой, отпуская меня.

Я бегу, все еще опасаясь за свое место во дворце. Я привлекла к себе внимание, и это совсем не то внимание, которое пойдет на пользу моему положению. Я должна быть предельно осторожной и не забывать о том, как мои действия могут повлиять на отношение ко мне судей. И так понятно, сделай я еще один неверный шаг – и от этого пострадает моя семья. Впредь я не забуду об этом.

Во что я только ввязалась?

Я возвращаюсь в резиденцию и застаю Лиан, которая ковыряется в своей миске с рисовым отваром.

– Ты здесь! – Девушка вскакивает, и ее ложка с грохотом падает на стол. – Что случилось? Что сказал министр?

Я со вздохом сажусь на табуретку и закрываю лицо руками.

– Вместо него я разговаривала с канцлером. Он хотел убедиться, что я не из семьи революционеров. Пока что мне разрешено продолжить участие, но я нажила себе врага в лице маркиза.

– Маркиз. – Лиан фыркает и снова садится. Она наливает нам обеим по чашке чая. Я принимаю чашку и киваю в знак благодарности за приятное тепло, окутывающее мои руки. – Ох уж эта старая жаба. Все делает по-своему.

Фамильярность, с которой она всегда говорит о дворцовых министрах и чиновниках, лишний раз заставляет меня поразиться:

– Лиан, откуда ты знаешь столько чиновников при дворе?

– Ты и правда не имела понятия? – Девушка смотрит на меня, а затем лишь небрежно пожимает плечами: – Я дочь дипломата западных королевств, посла Луо.

– Вот почему ты так хорошо знакома с дворцом... – Я медленно обдумываю это открытие. – И в придачу со всеми из Калла.

Она криво улыбается.

– Нас связывают небесные принципы. Моя мама верит в то, что, зная свой народ, мы все являемся одной большой семьей.

– В Су мы никого дальше пределов своей провинции не видим, – рассказываю я. – Прости мне мое невежество.

Лиан смеется.

– Нин, не надо вести себя со мной так официально. Я ненавижу строгость двора. Мне больше по душе сидеть верхом на лошади под открытым небом.

Я киваю. Это я могу понять. Раньше и мое место было среди растений целительного сада. Когда-нибудь я вернусь к рядам чайных деревьев и назову себя «Дочерью Шеннон».

Пока мы перекусываем уже остывшим завтраком, Лиан рассказывает мне о своем доме. Калла – небольшая провинция. Некоторые из ее жителей, которые наиболее склонны заниматься сельским хозяйством, поселились в районах плодородных земель. Другие ведут образ жизни кочевников, выращивая животных на пастбищах. В основном они торгуют вместе с жителями Юнь, возможно, поэтому Шао принял Лиан за девушку из этой провинции.

Свобода, которую описывает Лиан, так и манит. Ей необязательно обосновываться в одной деревне и видеть одни и те

же лица до конца своих дней. Она вольна путешествовать куда захочет. Вероятно, Лиан видела больше мест, чем любой из нас, и путешествовала дальше, чем я могла себе вообразить.

Девушка внезапно бросает свои палочки для еды.

– Терпеть не могу этот холодный отвар. Его не хватит, чтобы утолить мой голод. Пошли на кухню.

Я возражаю, вспоминая о правилах и моем новом статусе «та, за которой нужно присматривать», но Лиан игнорирует меня, целенаправленно шагая по саду. Я ожидала, что охранники помешают нам войти в комнату для прислуги, но они не обращают на нас никакого внимания. В воздухе витают соблазнительные ароматы – дыма и жареного мяса вперемешку со знакомым запахом землистым трав и влажных листьев.

Лиан входит в императорские кухни так, будто это место принадлежит ей, и кивает одному из служащих, который торопливо проходит мимо с охапкой овощей. Я оглядываюсь, любопытство берет верх над осторожностью, поскольку в прошлый раз нам позволили только толпиться во дворе кухни. Сейчас же, среди рядов пароварок и стеллажей с вяленой рыбой, мы оказались в самом сердце кухни.

В этой комнате кипит жизнь – со всех сторон то и дело разносятся звуки рубки мяса, готовки еды и потрескивания огня. Это достаточно большая комната, но, к моему удивлению, это лишь одно крыло кухни. Я замечаю лунообразные

двери, которые отделяют одну секцию от другой. Слуги входят и выходят, они носят подносы с ингредиентами и корзины с продуктами. У дальней стены стоит ряд кирпичных дровяных печей. Еще несколько бамбуковых пароварок установлены в углу у стены. В центре комнаты стоит огромный стол, который весь усыпан мукой. Форма слуг испачкана белой мукой, они очень быстро работают руками. Слуги раскатывают тесто, наполняют его начинкой, затем заворачивают и защипывают пальцами уголки, после чего аккуратно кладут каждую порцию на противень.

Прежде чем я успеваю понять, какая начинка в этих булочках, нас приветствует рокочущий голос:

– Сколько лет, сколько зим!

Гигантский мужчина подхватывает Лиан и кружит в воздухе, затем ставит на пол, и они оба смеются.

– Малыш Ву! – Лиан разражается в хохоте. – Познакомься с моей подругой Чжан Нин.

Мужчина передо мной большой и широкий, как бык, вопреки своему прозвищу. У него бронзовая кожа и свирепые брови, которые идеально сочетаются с густой бородой.

– Очень приятно. – Мужчина наклоняется, сложив руки на груди, затем снова поворачивается к Лиан, его взгляд наполнен любовью. – Я уж было подумал, что когда ты преуспеешь в состязании, то забудешь о своих людях.

Она ухмыляется.

– Думаешь, отец допустил бы подобное? Или ты сам поз-

волил бы забыть о себе?

Мужчина громко смеется, похлопывая Лиан по спине.

Девушка поворачивается ко мне и объясняет:

– Малыш Ву – ответственный за пекарню. Ему нет равных в приготовлении цзяоцзы⁶, выпечки, сладких булочек...

Подобная еда не слишком распространена в моей провинции, потому что мы в основном питаемся рисом, но я бы с большим удовольствием попробовала все это.

– Девочка, да она же тебе не верит. Она думает, что я го-жусь только на то, чтобы рубить дрова и разводить костры. – Малыш Ву подмигивает мне, а потом посмеивается над моими попытками его переубедить. – Я бужу тесто. – Малыш Ву напрягает мышцы. – Я встаю до рассвета – не то что эти ленивые работники, которые занимаются рисом. – Он смотрит на женщину, которая проходит мимо. Она фыркает, даже не останавливаясь, чтобы ответить ему.

– Малыш Ву! – одна из женщин, стоящих у стола, зовет его. – Тесто само себя не приготовит.

– Да-да, госпожа! – Он выпрямляется и салютует ей, а затем с ухмылкой поворачивается к нам: – Иногда я теряюсь в догадках, это я здесь главный на кухне или они. Вам обоим тоже не помешало бы заняться чем-то полезным.

– Нам? – я перевожу взгляд на Лиан, но она лишь улыбается.

– Когда я была маленькой, перед учебой я все время оши-

⁶ Цзяоцзы – разновидность китайских пельменей (прим. переводчика).

валась на кухне. У них всегда найдутся вкусные угощения. — Лиан тянет меня в сторону стола. — Если мы им поможем, то и для нас будет еда.

Мы готовимся выполнять основные поручения. Малыш Ву вытаскивает из корзины гору теста, размером почти с его туловище, и хлопает ею по столу, выпуская в воздух облако муки. Нам с Лиан — к счастью — дают шарики теста намного меньше, и мы приступаем к работе. Мы скатываем их в трубочки, а затем разрезаем на мелкие кусочки, чтобы взвесить на весах. Это напоминает мне работу в кладовой моего отца. Раскатываем, режем, взвешиваем — все эти шаги мне привычны. Я снова испытываю тоску по дому, но быстро заставляю себя заглушить это чувство. Вместо этого я сосредотачиваюсь на том, чтобы сделать самые лучшие булочки.

Мы с горкой забиваем корзину заготовками шариков, а потом раскладываем их в линию для добавления начинки. Мы приготовили огромное количество булочек — чтобы всем хватило на застолье. Их разложили на противень в конце стола, чтобы дать им время подняться. Когда Малыш Ву посчитает все и скажет, достаточно ли мы подготовили, мы тоже сможем полакомиться чем-нибудь.

Расправив плечи после долгого пребывания в сгорбленной позе, мы накрываем столы во дворе для полуденной трапезы. Нас угощают воздушными булочками с начинкой из сочной свинины, смешанной с рубленным луком-шалотом и имбирем. На вкус они еще лучше, ведь мы сделали их сво-

ими руками. Малыш Ву знакомит нас со своим мужем Абином, который занимается приготовлением рыбных блюд. Он приносит нам кастрюлю с супом, в которой плавает жареная рыба голова, окруженная капустой, тофу, золотистыми грибами и бобами. С этим супом обычно едят жареные лепешки из редьки, которые обмакивают в бульон.

Беседа за столом льется так же свободно, как вино, которое постоянно добавляют в наши чашки. Я слушаю шутки Малыша Ву и Лиан, когда они вспоминают забавные моменты, пережитые когда-то давным-давно. Лиан рассказывает Абину, как она терпела неудачные шутки Малыша Ву и как она уже представляла себя их свахой, когда они только впервые встретились. Я радуюсь, что могу посидеть здесь немного, и позволяю окутать себя звуками их голосов. Если я закрою глаза, то смогу представить, что я снова вернулась домой и слушаю мелодичный голос мамы и ответы отца.

– Господин! Господин! – Раздается быстрый топот ног и стук подноса по столу. Я подпрыгиваю, распахивая глаза. На табурет запрыгивает мальчик, он весь дрожит от переполняющего его волнения. Малыш Ву тянет его назад, успевая предотвратить падение малыша в рыбный суп. – У меня есть для вас новости!

Малыш Ву усаживает мальчика обратно на табурет и дает ему пожевать маленькую булочку.

– Что ты слышал, Цин'эр?

– У Рувана из мясного есть двоюродная сестра, так вот,

она одна из служанок канцлера, – с набитым ртом рассказывает Цин'эр. – Когда она пришла забрать блюда для завтрака, то сообщила, что знает, кто убийцы. Слуги принцессы схватили тех, кто пустил те стрелы. Руван сказал, что они прокусили себе языки, лишь бы избежать допроса! – Я морщусь от этого ужасного рассказа, но мальчика, похоже, это никак не смущает. Он откусывает огромный кусок от своей булки и быстро проглатывает его, прежде чем воскликнуть: – Но это еще не самое удивительное в этой истории!

Не переводя духа, Цин'эр выпаливает:

– Они установили личность воина. Знаешь, кто спас принцессу прошлой ночью?

– Кто? – Малыш Ву выгибает бровь. При мысли о Бо мое сердце начинает биться чаще. То, как он бесстрашно стоял перед стрелами, его меч будто был продолжением его самого. Эхо собственных слов звенит у меня в голове: «Кто ты такой, Бо? Кто ты такой на самом деле?»

– Его полное имя... – мальчик раздувается, его щеки краснеют от переполняющей его гордости за себя и за свою информацию, – Ли Кан. Сын Ли Юаня, когда-то известного как принц Даи.

Люди за столом быстро переглядываются между собой. Лицо Малыша Ву темнеет, он обменивается беспокойными взглядами с Абином.

Кажется, Цин'эр ничего не замечает, а потому продолжает, радостно добавляя:

– Сын самого Изгнанного Принца!

Большой мужчина быстро притягивает мальчишку к себе и закрывает ему рот рукой. Цин'эр брыкается, пытаясь вырваться из его хватки, но он недостаточно силен для этого.

– Мы не говорим о нем в этих стенах, – хрипло шепчет Малыш Ву, его глаза устремляются к главной двери. Все кивают, принимая его предупреждение. Я чувствую, как он заботится и защищает людей, которые находятся под его опекой.

– Мы никогда не должны называть его настоящего имени, уяснил? – Малыш Ву наконец отпускает его, но он строго-настрого машет пальцем перед лицом ребенка. – Еще до твоего рождения император казнил всех, кого подозревал в союзе со своим братом. Хоть с годами он и смирился с существованием этого человека, мы все еще не можем открыто говорить о нем. Что я тебе всегда говорю?

– Поблизости всегда есть любопытные уши, – отвечает Цин'эр, угрюмо почесывая свой затылок. – Я помню, господин.

– Хорошо. – Малыш Ву возвращается к трапезе.

Беседа возобновляется, но я слушаю лишь вполуха. Меня беспокоит эта новость. Мне хорошо известно, что Изгнанный Принц был особой фигурой в нашей истории, но я всегда думала, что все это связано с очень далеким прошлым. Разбросанные сгнившие кости в реке. Нет такого человека, который бы дожил до наших дней после случившегося.

– Как только принцесса установила его личность, она вытащила его из темницы. – Цин'эр продолжает болтать, но становится тише. – Служанка сказала, что принцесса виделась с ним ранним утром, а потом перевела его в западное крыло.

Глаза Лиан расширились.

– В крыло высокопоставленных лиц? Выходит, он не убийца?

Малыш Ву раскатисто смеется.

– В самом сердце дворца? Будучи окруженным охраной? Подозреваю, принцесса хочет понаблюдать за ним, чтобы выяснить его истинные намерения. Так или иначе, они проявятся со временем... так всегда и происходит.

– И то правда, – вмешивается Абин. – Его отец был хитрым соперником за место на троне. Может, его сын надеется пойти по стопам отца.

Эта зловещая мысль поселилась в моей голове, и у меня появилось еще больше вопросов. Интересно, что же Бо – нет, Кан – задумал.

Глава 10

В попытках избавиться от мыслей о новостях Цин'эра мы активно занимаемся дневными делами, а именно – наполняем корзины булочками. По мере наполнения корзинок их помещают на воки⁷, которые наполнены кипящей водой. Со дна поднимается пар, благодаря чему булочки разбухают и готовятся до тех пор, пока не становятся идеальными.

⁷ Вок – специальная сковорода, особенно пользуется популярностью в азиатских странах (*прим. переводчика*).

Я стараюсь не думать о роли, которую я могла невольно сыграть в покушении на принцессу. Неужели я, сама того не осознавая, предоставила Бо доступ во дворец или раскрыла ему какую-то информацию, которая помогла ему? Я проклиная себя за то, что была такой наивной, когда полагала, что лишь привлекла внимание красивого незнакомца на рынке.

Чтобы перестать думать о том, как меня могут пытаться в темницах, я заваливаю Малыша Ву вопросами. Я спрашиваю его об овощах и зерне, о разнообразных названиях и процессах приготовления пельменей. Я узнаю о сортах пшеницы, которые не так активно распространены в южных провинциях, но пользуются популярностью в Юнь и Хуа. Он не возражает против моих вопросов, даже когда отдает остальным распоряжения. Мальчики на побегушках, такие как Цин'эр, отвечают за колку дров и разжигание огня, который должен постоянно гореть, чтобы пароварки работали. При всей активности температура в кухне поднимается только ближе к полудню. Я чувствую, как потеют подмышки, влажная туника прилипает к моей спине.

Во время короткой передышки, когда нужно снова разжечь огонь, одна из пекарей, Цюэ, любезно дает мне прохладную тряпку, чтобы я вытерла лоб.

– Я очень рада, что ты нам помогаешь, – признается она. – Управляющая Ян в последнее время стала слишком... придирчивой. Это все трудные времена сказываются.

– Но дело не только в ней, – комментирует мужчина ря-

дом с нами. – Мы тяжело пережили эту зиму. Болезни распространились по всему дворцу, но королевские врачи бросили все свои силы на лечение императора. Раньше они иногда лечили и нас, но теперь уже нет.

– А сейчас со всеми этими состязаниями у нас появилось еще больше ртов, которые нужно прокормить, – через стол добавляет женщина с кислым лицом. – Дел прибавилось, вот только провизия осталась прежней.

– Минвэнь, они хотя бы здесь, – говорит ей Цюэ. – Они помогают, в отличие от... – женщина замолкает, когда в дверном проеме возникает суматоха. Наше внимание привлекают две служанки, одетые в блестящие наряды, словно два павлина, расхаживающие в толпе невзрачных кур. Слуга с измученным видом кивает в нашу сторону.

– В отличие от никчемных болванов, которые без дела слоняются по двору? – Минвэнь фыркает и неохотно соглашается. – Да, думаю, тут ты права.

Одна из девушек-павлинов в нежно-зеленом платье, перехваченном поясом глубокого лазурного цвета, подходит к нам с высоко поднятой головой.

– Где поднос для маркиза? – требовательно спрашивает она. – Он теряет терпение. Ему нужно принять своих гостей.

Минвэнь поджимает губы, будто она собиралась сказать девушкам что-то резкое, но потом передумала.

– Десерты готовы, – наконец после неловкой паузы отвечает Минвэнь. Щелкнув пальцами, она жестом просит муж-

чину, который стоит поблизости, принести то, что нужно. Он возвращается с красивой красной лакированной корзиной с ручкой, украшенной золотыми узорами листьев и цветов. На крышке корзины извивающимися причудливыми узорами изображены красные птицы, которые сидят на черных лозах.

Служанка выглядит недовольной, она складывает руки перед собой, отказываясь брать предложенную корзину. Мужчина неуверенно стоит, поглядывая на Минвэнь.

Пожилая женщина выгибает бровь.

– Какие-то проблемы?

– Мы должны все осмотреть. – Служанка добродушно улыбается. – Чтобы убедиться в том, что все соответствует стандартам маркиза.

– Разумеется, – отвечает Минвэнь с явно преувеличенным энтузиазмом. Она жестом велит мужчине поставить корзину на стол и размашистым движением поднимает крышку, отгоняя его в сторону. – Для маркиза – все, что угодно.

Минвэнь вытаскивает внутренний поднос и кладет его на стол. Маленькие кунжутные шарики лежат в голубых фарфоровых мисках. На другой тарелке печенье с цветами лотоса, каждый его цветок, обжаренный до золотистой корочки, размером с мою ладонь. Здесь также есть поднос с молочно-белым желе, которое нарезано на квадраты и обваляно в кокосовой стружке. Молодая женщина критически осматривает

десерты, затем кивает и убирает их обратно в корзину.

К нам подходит другая служанка, нагруженная подносами.

– Но где пирожные? Дополнительный заказ был сделан сегодня утром. Ему не понравится, если их не будет.

– Идем. – Цюэ берет меня за руку и отводит к другой стороне стола. – Они так и будут выделяться друг перед другом, а нам потом попадет за то, что скопилась куча работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.